

Елена Ротман

Когда нам будет 40 лет

роман

16+

Елена Ротман
Когда нам будет 40 лет

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Ротман Е. И.

Когда нам будет 40 лет / Е. И. Ротман — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Говорят, выбор есть всегда. А что если ты уже выбрал и теперь терзаешься данным решением? Она не смогла отказаться от роскошного подарка судьбы, решив, что чувства - это глупость, которая со временем выветрится. Он же был рожден для трона, с намеченным планом на всю жизнь, от которого невозможно отказаться. Это в крови. Вот так они и живут, мучая себя и остальных, не давая себе сделать неверный шаг, что уничтожит множество судеб.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Когда нам будет сорок лет

Глава 1

У каждого чувствующего человека есть любимая история любви. Будь то мультфильм о «Красавице и Чудовище», легенда о Тристане и Изольде, либо вечная драма о Ромео и Джульетте.

Прошлое невозможно описать, одним словом или парой предложений. Если вы не были последние сорок лет в коме, то на вашем надгробии уж точно не напишут сухие «Родился. Жил. Умер»

Моя жизнь с легкостью можно назвать сказкой, ибо так оно и было до определенного момента, пока она (некое подобие диснеевского мультлика) не скатилась до простой банальной драмы, в которой как обычно виноват женский род. В моем случае это относится к сущительному «монархия».

Мне было двадцать лет, когда началась эта довольно долгая история. Сколько прошло? Столько, наверное, и не любят. Во всяком случае, если ничто не препятствует чувствам.

Мой мир – это совершенно иное место, которое играет потрясающими красками, и пусть вам покажется, что он не слишком отличается от вашего – ведь это будет просто замечательно. Мой мир...

– Княгиня, – в комнату заглянула служанка Кейти, которая ни в коем случае не хотела тревожить хозяйку, что каждое утро начинала не в самом лучшем настроении. «Хочешь что-нибудь добыть у княгини – приходи вечером» – гласила шуточная пословица, придуманная много лет назад. Может быть, именно поэтому министр Обороны всегда навещал ее после обеда?

– Что-то случилось? – княгиня была уже одета «при полном параде» и сидела за своим письменным столом из темного дуба. В ее руках нетерпеливо покачивалась обычная шариковая ручка: она всегда все начинала писать от руки, совершенно не замечая ехидных усмешек собственного мужа, что неумолимо шел в ногу с прогрессом. Нет... Она не была против новинок, но не понимала, как можно получить удовольствие от чтения книги на тонком куске металла и пластика. «Война и Мир», что тоньше столового ножа! В юности ей казалось, что время идет слишком медленно, но чем старше она становилось, тем быстрее бежали часы, не давая ей опомниться и осознать насколько все скоротечно.

– Мне было велено сказать, что в «Светлой гостиной» вас ждет сюрприз, – Кейти опустила глаза в пол и, ожидая раздраженную реакцию, попятилась к двери.

– Его Святейшество решил впасть в детство? – княгиня захлопнула лежащий перед ней ежедневник, служивший черновиком для ее, так называемых произведений, и повернулась к Кейти в полный корпус. Она не собиралась сердиться – ее сочинительство и так зашло в тупик, оставляя после себя лишь короткие зарисовки, неспособные добросовестно соединиться друг с другом. И вот это раздражало – столько много слов, мыслей, идей, накопилось в голове, а вылить на бумагу она способна лишь какие-то ошметки, не способные сравниться с образом, жившим рядом с ее музой.

– Нет, Ваше Святейшество, не он, – девушка наконец-то подняла голову и чуть заговорщицки улыбнувшись, скрылась за массивной дверью, оставив свою госпожу в некоторой неопределенности.

Женщина, которая на данный день в свои пятьдесят лет была главой крупнейшего княжества, резко вскочила с места и подлетела к зеркалу, что было непозволительно роскошным и во всю стену.

«Видела бы меня Хезер» усмехнувшись, подумала княгиня, даже спустя годы, живя одобрением этой молчаливой женщины, всего-то старше ее на пятнадцать лет.

Она скрупулезно осматривала себя со всех сторон, явно отмечая и пару лишних килограммов и новые морщинки, что появились у глаз. Ее не тревожила мысль, что все это довольно глупо и что ведет себя словно глупая влюбленная девчонка. Она, как и любая другая женщина, хотела быть идеальной как при встрече с почитателем, так и при встрече с врагом. И человек, ожидавший ее в гостиной на первом этаже старого поместья, мог смело носить оба этих понятия.

Каждая лестница этого дома была устлана зелеными или темно – бордовыми коврами с длинным ворсом, в котором утопали ноги. И ничего не было изменено с того момента как чуть ли не бегущая княгиня впервые и немного испуганно вступила на порог этого дома с его почти каменными от времени главными деревянными створчатыми дверьми. Все те же духи умерших предков бродят по коридорам тихими длинными вечерами, все те же лица смотрят с полотен своим укоряющим взглядом, до сих пор не одобряя, что именно она стоит во главе страны. И эта немного запыхавшаяся женщина знала, что пройдет время, и ее портрет будет висеть рядом с прошлым правителем, так же снисходительно смотреть на своих приемников. Но сейчас она, словно юная двадцатилетняя девушка, старалась успокоить свое колотящееся сердце, прижимая руку к груди. Вдох. Выдох. Вдох.

Княгиня наконец-то повернула бронзовую ручку двери и чуть нажала на нее.

– Ты долго.

И этот насмешливый голос, словно воронка унес с собой в прошлое.

30 лет назад

Загородная резиденция Виндзор, конечно же, превосходила своими размерами и великолепием поместье Полинъяк, расположенного в некоем удалении от Галифора. А как иначе? Англия страна с многовековой историей, а Грепиль... Начнем с того что Грепиль пока лишь княжество, не прожившее столетий воин и мира, переворотов, голода и болезней, будучи самостоятельным государством. Этакое княжество – баловень судьбы, сумевшее без масштабных пашен и лесов, разбогатеть на том, что считается в своем роде грехом – азарт. Княжество Грепиль было европейским Лас-Вегасом, только старше и более компактным, постоянно завоеванным и зависящим от Франции до Первой мировой войны. Чудное милое место для хорошего отдыха человека, у которого есть пара миллионов в кармане.

Она же стояла немного в стороне от собравшихся здесь отпрысков глав государств и дипломатов. Нервно сжимая в руках бокал с вишневым соком, боясь выпить что-нибудь покрепче и опозориться в первый полностью самостоятельный выход, где не было даже личного телохранителя. Девушка, которой через долгих одиннадцать дней исполнялось всего двадцать, мечтала о том, что бы все вокруг как минимум стали разговаривать немного помедленнее и без жаргонизмов. 20 октября 1999 года становилось ее личным маленьким апокалипсисом.

Пусть это не первый ее прием в иностранном обществе, но когда рядом совершенно нет знакомых людей, и все окружающие кажутся настолько далекими и непонятными, хочется просто сбежать. Вдох. Тебя же учили. Ты не должна опозориться. Выдох. Ты не хуже их. Играй свою роль.

– О, не скучайте, – сзади к ней бесшумно подкрался юноша немногим старше и обворожительно улыбнулся, заметив ее замешательство. – В прошлый раз сын американского дипломата напился и стал приставать к принцессе из Малайзии. Вот только он быстро охладел к ней и, обняв скульптуру древнегреческой богини, стал распевать гимн США. Правда, мне показалось, что он немного фальшивил.

Наверняка он подошел к ней из – за скуки. Да и большинство историй начинаются из – за скуки. Девушка наконец-то спокойно улыбнулась, стараясь не так явно пожирать глазами своего собеседника, что в своем дорогом черном приталенном костюме походил на героя гол-

ливудского фильма. Впрочем, и остальные присутствующие ни на йоту не уступали ему в некоей едва прикрытой помпезности одеяния, причем, так же как и она. Одно было лишь отличие – она до сих пор не могла поверить в сказку и сутулилась, походя на воробья под дождем. Будь тут мама или Альберт, ей бы мигом выпрямили спину.

В подошедшем она сразу узнала наследника императорского трона Упони – было не сложно, вот только «в живую» он казался ей менее «упонистым»: чуть более раскрытые глаза, пусть и без европеоидных век, рост около метра восьмидесяти и еле тронутая восходящим солнцем кожа, без единого изъяна. Или это игра освещения? Ей-то понадобились услуги визажиста, дабы выглядеть «сносно», как выразились в одной из газет. Да, еще ее заниженная самооценка и завышенные ожидания ее окружения. Однажды это все ее «доведеет до ручки» и она прилюдно начнет психовать.

– Меня зовут Куроки, – произнес он, когда девушка соизволила вспомнить и подать ему руку, согласно этикету. – Как я полагаю, вы та самая Анна из Грепиль.

Упонец галантно коснулся губами ее руки и посмотрел темными глазами прямо в ее, словно надеясь на особый эффект. В фильмах, которые обожал этот двадцатитрехлетний упонец, такие моменты выглядели завораживающими и впечатляющими, так почему же не попробовать? Увы, он не учел того, что камеры все показывают со стороны, а ему достается лишь немного удивленный взгляд и соответствующее смущение.

– Да, – чуть задрвав подбородок, подтвердила девушка и опустила руку. Он такой же, как ты. Не бог. Успокойся.

Вот уже полгода она официально считалась наследницей князя Грепиль, решившего мигом удочерить ее и ее брата. А ведь вся эта сказочная история начиналась с одного отпуска разведенной женщины, родом из Белкраны. Наверное, именно поэтому ее младший брат – Саша закатывает глаза, когда натывается на диснеевские мультфильмы, а позже на фильм «Дневники принцессы». В них сказка, что не показывает все трудности жизни в совершенно незнакомой стране. Хотя с французским им было намного легче, нежели с международным английским. Чертовы времена глаголов.

Но, так или иначе, однажды в девятнадцать лет простая белкранская студентка из Гилева стала наследницей крупнейшего и богатейшего княжества Европы. Что еще для счастья надо?

– И кстати, юная княгиня, – Куроки произнес это с неким пафосом, хоть на самом деле он забыл, как будет по – английски «милая» без пошлого оттенка. Анна лишь улыбнулась, каким-то неведомым чувством поняв, что он, как и она, немного чужие в этой гостиной.

– Советую не садиться с сыном канцлера Германии, – продолжил юноша, четко, словно марш, отбивая каждое отдельное слово, – Вы как раз в его вкусе. А поразговаривать он любит.

– Вы всегда так добры к новичкам? – вспомнив, Анна выпрямила спину и чуть приподняла подбородок, как учила Хезер, что была ее камеристкой, наставницей и тюремщиком, ведь так ее «второй подбородок» почти не виден на фото. Новый знакомый ей нравился и девушке хотелось понять правила «его игры», дабы продолжить общение, да и просто не опростоволоситься.

– Я добр? – картинно возмутился Куроки, пожав плечами. – Скажу по секрету. Я просто пытаюсь найти себе компанию. Устал от общения с Южной Кореей и, к сожалению никто, в этой комнате не понимает моего чувства юмора. Все такие скучные.

Юноша задумавшись, прикинул насколько правильно он произнес свою тираду и с легким трепетом ожидал реакции этой роскранки. Это позже он подучит географию и биографию своей новой знакомой, а сейчас его волновал лишь этот вечер.

Они оба разговаривали на чужом им языке и казались друг другу чуждыми существами и наверняка, поэтому в их неокрепших разумах вспыхнула искра интереса и озорства. Сидя за столом Куроки тихо, медленно и четко комментировал присутствующих, расширяя кругозор своей новой знакомой и балуя свое эго, радостно наблюдавшее за ее реакцией. Он был

в восторге, окрыленный эйфорией от того, что никто не контролирует бессмысленный поток его речи и потом не перескажет весь разговор его родителям, как делали его так называемые друзья на родине.

– И наконец, – ужин уже был закончен и все, собравшись в малой гостиной, ждали традиционный чай, – упонский принц.

Анна играючи зажала рот рукой, изображая удивление. Ей было необыкновенно весело, так что где-то в глубине души она не хотела, чтобы этот вечер завершался. Да и на самом деле не верилось, что это происходило с ней: как-то все было волшебным и немного наиграно.

– О, милая Княгиня, – казалось, он забыл ее имя. На самом деле – просто не мог нормально произнести. – Его отец упонец – принц по крови однажды влюбился в упонку, у которой отец был кореец, а мать европейкой. Вы только представьте, какой кошмар. Но будущая императрица была настолько красива и умна, что покорила чванливое сердце старого отца – императора. Годы шли и появились на свет двое детей: сын он же болтун и бездельник, а также красавица дочь, что назвали прекрасным именем – Сакура. Вот такая история.

Анна, не смотря на юношу, улыбнулась. Наверное, она была просто немного смущена, как и любая другая девчонка, с которой завел озорной разговор довольно симпатичный юноша.

– С именем вашей сестры все понятно, – княжна чуть повернулась к собеседнику. – Вишня. Весна. Что же значит «Куроки»?

– Темный лес, – пожал плечами юноша и усмехнулся, чуть наклонившись вперед, Анна же сидела, выпрямив спину и сведя ноги в бок – именно так как написано в книге по этикету. Ему на доли секунды стало ее жаль – ведь почти все в этой комнате с рождения участвовали в политических играх, а она... Она была еще обычной простолюдинкой, хоть и с долей интеллекта.

– А мое обозначает «Благодать», – тихо заметила княжна и широко улыбнулась, отчего глаза на ее круглом лице стали милыми и забавными щелочками. Но улыбка-то была естественная – а это ценно. Его младшая сестренка бы ей сказала это в лицо, наверное, поэтому у этой малявки больше друзей, нежели у него.

Друзья... Друзей мы выбираем. Семью – нет. Друзья созданы для того, чтобы соприкасаться с нами и нашими интересами – порождая паутину. Интерес. Дружба. Доверие. В свои двадцать три он испытывал пока что интерес и еще немного азарт.

Как же он ограничен. Но зато принц старой, могущественной страны, расположенной на берегах Восточно – Китайского моря, гранича по суше с Китаем и Лаосом.

Куроки улыбнулся княжне, сам не зная почему, решив рассказать о своей младшей сестре и ее проделках. Так сразу поделиться личным? Впрочем, сейчас он не задумывался, будет ли он продолжать общение с этой чуть смущенной европейкой.

Глава 2

Вечерами было принято собираться в одной из гостиной и спокойно наслаждаться обществом семьи и особо приближенных персон. Чаще всего это были различные министры с семьями, еще реже Альберт выбирался куда-нибудь со своим загадочным лучшим другом, что в последнее время был слишком погружен в свои романы. И это несколько расстраивало князя, привыкшего к хорошей компании и бокалу вина.

– Мишель рассказал мне, что ты умудрилась сдружиться с упонским зазнайкой, – Альберт выпустил колечко сигаретного дыма и мигом разогнал его рукой, вспомнив, как жена относится к этому «затхлому запаху на подобии серы». Надо же! А ведь лет пять назад он и вообразить не мог, что будет уступать «какой-то женщине». Но тут... Тут было необыкновенное единение душ, подобно классическому фильму о любви, которые обожала его почившая мать. Не стало матери. Не стало семьи. Какой-то осколок, что спустя долгие годы, уже под закат его жизни, обрел все свои части. Это невероятно воодушевляло мужчину, даря силы и надежду.

– Я не считаю его зазнайкой, – пожалала плечами Анна, задумчиво перебирая фиолетовые шторы. Она сидела на широком подоконнике, специально переделанном на некое подобие софы. Бабушка нынешнего князя от такого была в легком шоке. – Мы с ним не подружились. Он интересная личность, да, согласна. И тем более мой ровесник. Но вряд ли принц решит продолжить со мной общение за границами официальных встреч.

– Но ведь с Уильямом и Гарри было то же самое, – прервал ее Альберт и посмотрел в упор, словно пытаясь понять, что же творится в голове у его новоявленной дочери: то она была весела, то в секунду задумчива. Непостоянная, словно ветер. Всю жизнь во всех женщинах он искал черты своей матери, такой далекой и прекрасной, как ангел. И конечно идеальной. Уж, кто – кто, а она наверняка все делала правильно. Далекое, теплое и светлое воспоминание.

И вот в Марии он увидел образ своей матери Стефании-тонкий нос, цепкий, но ласковый взгляд, правда, темных глаз. А может быть он просто хотел это видеть? Отчаявшись на то, что сможет воспроизвести на свет своих кровных детей, мужчина просто напроосто окунулся в омут с головой. К счастью.

Альберт переписал законы, заручился поддержкой народа и однажды произнес «Моя наследница». Хоть и в душе князь хотел видеть на троне младшего светловолосого мальчика, похожего на него, но которому было всего четырнадцать и уж точно не до политики. Да и политическая элита, что еще недавно хваталась за голову, заручившись поддержкой католической церкви, игравшей довольно значимую роль, начала пропагандировать «прекрасную, умную, любящую, преданную и трудолюбивую княжну». Потом уже и потянулись люди, а их будущая правительница робко, с открытым сердцем отвечала взаимностью и встречами, что одобрил Альберт. Завоевать любовь и доверие народа – тяжелый труд с хрупкой памятью. Один шаг в сторону и кто его знает последствия.

– И как видишь – немного общения и эти юные джентльмены поздравили тебя с днем рождения, – Альберт многозначительно на нее посмотрел. – Ты бы могла поздравить принца с Новым годом. Они ведь его празднуют?

– Я не хочу навязываться, – покачала головой девушка и отвернулась, почувствовав как странно краснеют ее щеки. Они с Альбертом еще ни разу не разговаривали на столь личные темы. – Я пыталась подружиться с Виолой и Сантой, но видимо для них я была слишком дешево, не модно одета.

Князь ожидал услышать от Анны зависть или упрек, за то что она все еще не получила свой личный банковский счет, личного водителя и пару слуг, хотя он уже приставил к ней Хезер, что почти исполняла данную функцию. Но нет. В словах его падчерицы была усмешка

– эта девочка всегда будет ставить себя выше этих двух сестер дальних родственниц князя и ни за что не пойдет на мировую. Вот тебе и милое создание.

Мужчина хотел так много ей рассказать: о своей жизни, поступках и мыслях и верил, что после них она не будет допускать его глупых ошибок. Ума и расчетливости ей не занимать, даже Альберт это понимал. Просто не хотел самостоятельно делать из нее робота или идеальную княжну. Боялся: ведь сам был довольно добродушным человеком и может быть благодаря жесткой руке Мишеля Левека княжество еще не развалилось, а наоборот с каждым годом увеличивало свой вес в мировой экономике. Политика и доброта несовместимые вещи и монархии, увы, с этим приходится мириться.

– Я же не могу выйти за Уильяма? – внезапно спросила Анна, улыбнувшись, посмотрев на Альберта. Нет, она что-то задумала, но точно ни с кем не поделится.

– Нет, – покачал головой князь, вторя улыбкой, хотя в свое время он бы сам был не прочь жениться на тихой Диане.

– Черт, – произнесла по – роскрански она и резко встав, фыркнула. – А я-то надеялась.

Альберт рассмеялся, в глубине сердца отмечая, что его родная бы дочь не была столь живой – в природе его семьи все были спокойными. Мария, Александр и Анна были... Яркими, да, именно яркими, совершенно другими и заливали своим светом и характером старые, тусклые порой холодные комнаты дворца. Новая кровь и новый виток монаршей семьи дарил надежду хотя бы главе княжества. Жители же пока с некой опаской смотрели и узнавали их будущую княгиню, конечно же, уже гадая, кто же станет спутником ее жизни. А как иначе? Она, как и Уильям, была молода, мила и богата, вот только в отличие от британского принца Анне предстояло выучить свою роль и правила игры. Но у нее есть он. А еще Мария и тот же Левек и конечно разум.

На другом конце света главный дворец императорской семьи был все еще окрашен в цвета траура. До сих пор никто не мог понять, почему никогда не жаловавшийся на здоровье император Акихимо в свои шестьдесят восемь погас словно свеча, оставленная в ураган на улице. В упонской монаршей семье все отличались крепким здоровьем и сохранностью разума в старости. По старой доброй традиции стали ходить слухи, что семью просто прокляли, а в этот же момент отец Куроки, в свои сорок один, стал императором, на которого навалилась вся ответственность и все долги. Но самым важным новый монарх считал то, что его сын, до сели находящейся в тени, не оправдает надежды страны.

Куроки был слишком резок и не сдержан временами, но так казалось лишь Нарухимо. Эта извечная проблема отцов и детей всегда будет иметь место в мире, но здесь же все было более масштабно, ибо нынешний император боялся не столько за сына, сколько за нелепую тенденцию младших братьев отбирать престол у старшего. Наверняка Нарухимо просто не догадывался насколько жестоким и дальновидным может быть его сын. Отчаянное умение есть в мире – ожидание.

– Вы звали меня, отец? – дверь без лишнего скрипа отворилась, и принц вошел в кабинет Нарухимо, что на пониженных тонах разговаривал с женой. Уши у стен еще никто не отрубал.

– Подойди, – мужчина мановением руки подозвал сына, сразу давая понять, что сегодня наследника будут хвалить.

– Наш посол из Англии сообщил нам. В докладной записке, – уточнила императрица Масамо, стараясь скрыть радость того, что ее сын не совсем потерян для общества. – Что ты весь вечер общался с гостями.

– Допустим, – Куроки инстинктивно отступил на шаг назад, внимательно рассматривая любое проявление эмоций на лице отца. Не всегда разговор, начатый с похвалы, ведет к счастливому эпилогу. Вот с княжной из Грeпиль все прошло неплохо, а вот с сыном президента Кореи, днем позднее, не особо.

– Очень хорошо, – император переглянулся с женой, которая, как и положено служила ему опорой. – Нам рассказали о твоих успехах в учебе. Мы очень рады.

– Но больше всего мы рады, – Масамо выделила именно последние два слова. – Что тебя часто видят в компании Соры Ямада.

– Да, – Куроки рефлексивно потер шею, начиная понимать к чему идет этот разговор, хотя поначалу ему показалось, что его будут хвалить за знакомство, а далее и дружбу с наследницей довольно прибыльного княжества. Но не тут-то было. – Она, как и я получает степень магистра и руководит художественными выставками.

– Какая молодец, – императрица взяла мужа за руку, чуть ли не участливо улыбнувшись сыну. Но тот-то точно понимал, что мать совершенно не волнует кто такая Сора, из какой семьи и на кого учится. Сора просто была. Была главным козырем в войне со сплетнями о предпочтениях юного принца. Ведь все задавались вопросом «почему к 23 годам этот привлекательный обеспеченный юноша не разбил ни одного девичьего сердца». Эта волна «голубого безумства» расстраивала не только мать, но и остальную семью, что с восхождением Нарухимо на трон находилась под непроницаемым колпаком общественного мнения. И вот в окружении принца появилась девушка, с которой, признаться, ему довольно комфортно. Комфортно, приятно, чуть более свободно, интересно. Она была просто рядом и пока этого хватало. В двадцать три Куроки хотелось иметь более узкий круг лиц, который, естественно, он сам выберет. Наивно.

Анне же пока было двадцать и ее сердце было открыто настежь для новых увлечений, что дальше ее бурной фантазии не заходили. К счастью приставленной к ней Хезер, наставницы с задатками отменного диктатора, на пятнадцать лет старше княжны. Иногда Анне казалось, что она просто – на просто ждет того «единственного», а временами, усмехаясь, обзывала саму себя меркантильной и ветреной. Вот только нелюбимыми зимними вечерами ей приходила мысль, что она просто не создана для всей этой великой «химии любви». «Сердце непостоянно» – как говорила Хезер, а еще всегда нужно отличать «влюбленность» от «любви» иначе может произойти конфуз. Но пока что ее подопечная просто увлекалась знаменитыми людьми – например, Леонардо ДиКаприо, так же как и миллионы по всему миру. И в своих предсонных мечтах Анна воображала их совместную жизнь, правда та была слишком банальна и совершенна. Сейчас девушке хотелось эмоций, что били бы через и край. И вот... И вот теперь все ее мысли занял упонский принц Куроки, в котором она увидела вызов и интерес. В тот вечер она жаждала его без стеснения поддеть и ждать когда же он сделает ответный выпад. А еще хотелось улыбаться, даже сейчас, вспоминая о нем. У нее внезапно возникла мысль организовать какой-нибудь званый вечер и будто бы случайно столкнуться лицом к лицу с принцем. И чтобы щеки не так горели, хотя это всего лишь временное смущение и не более – убеждала она себя.

– А в Гилеве уже снег, – княгиня Мария зашла в комнату дочери, шумно шелестя шелковым платьем в пол. – Я звонила Тане.

– И что она? – Анне было эгоистично наплевать на очередной развод тетки, которая так и не поняла, что на данный момент всем ее «возлюбленным» нужны лишь ее деньги. Сейчас княжна рылась в своих воспоминаниях, отыскивая самые снежные зимы своей жизни, не то, что сейчас. А ведь она и подумать не могла, что будет скучать по гололеду и замерзшим кончикам пальцев.

– У нее новый ухажер. И не смотри на меня так, – женщина с укором в глазах покачала головой. – Она просто ищет свое счастье.

Ее дочь лишь хмыкнула.

– Мы с Альбертом собираемся на прием, он хочет познакомить меня с послом в Болгарии. Он чудесный собеседник. Ты могла бы пойти с нами.

Девушка закатила глаза и, подойдя к матери, поправила ее бриллиантовое кольцо. Кто бы мог подумать, что она так спокойно и непринужденно сможет носить на шее пару квартир в центре Кинска.

– Саша все еще с сыном министра экономики... Как его...

– Ты не боишься, что они что-нибудь да взорвут? – усмехнулась Анна, придирчиво осматривая прическу Марии, да им определено повезло, что в их владении есть парикмахеры и визажисты.

– У Саши хотя бы появились друзья, – эта фраза была очевидна и ожидаема.

– У меня есть ты, Левек и, конечно же, Хезер, которая жить мне спокойно не дает своими советами, – потянула княжна, уже одергивая подол материнского платья. Как же временами она завидовала худощавой конституции ее матери. Она же сама пошла в биологического отца.

– Очень смешно, – Мария не разделяла ее веселья, отлично зная тяжелый характер дочери, и чувствовала, как та держит людей на расстоянии, дергая за ниточки. – Ты на приеме не познакомилась ни с кем из своих любимых стран?

Анна закатила глаза: до этого момента они говорили по – роскрански, но в последний момент ее татап решила перейти на государственный язык Грепиль.

– Познакомилась с упонским принцем, – у княжны знание разговорного французского было на порядок выше. Она чуть сжала плечо матери и медленно направилась к окну, за которым уже сгустились декабрьские сумерки. – Но ты это и так знаешь.

– Я надеялась, что ты сумеешь найти общий язык с другими девушками, не все же общаться, а потом и жаловаться на Хезер.

– Думаю, они просто не поняли мое чувство юмора, – слукавила Анна, бессмысленно рассматривая свое отражение в окне: ростом чуть выше среднего, совсем как ее мать, а вот Саша уже вымахал под метр семьдесят. Каштановые волосы, что под чутким руководством придворного парикмахера, приобрели чуть более светлый оттенок и блеск со структурой. Для самой себя Анна казалась обыкновенной, особенно со своим «L» и утягивающим бельем для выхода в свет. Ей бы больше заниматься спортом, но лень. А так она была обычной, не блистала неземной красотой, а по утрам, да еще в отвратительном настроении, методично выдавливала прыщи на своей мертвенно – белой коже. Но окружение, одурманенное прекрасной работой стилистов, не замечало ни ее нос чуть картошкой, ни маленького шрама у уха. Когда она чувствовала себя неотразимой – остальные чувствовали властность и тянулись к ней.

Но для нее самой все эти моменты казались сказкой и поэтому воображала, что она Белль, ждущая своего Чудовища, хоть иногда обращала все до наоборот.

– Мадемуазель, держите спину прямо. Да, так. О, не стоит делать такое измученное лицо, – всплеснул руками Франк, один из ее учителей, постоянно пытавшийся сделать из нее хотя бы отдаленное подобие настоящей леди. – А теперь легкая улыбка и «Уважаемые жители».

Они репетировали это в сотый раз – ее первое официальное одиночное выступление по телевидению в поддержку малоимущих семей. Все так просто и легко с виду, но постоянно что-то шло не так: то голос дрожал, то пропадала улыбка, то вылезал из небытия ужаснейший акцент из – за которого Альберт, стоявший за оператором, комично кривил лицо, закрывая руками уши.

– Вот так намного лучше, – хлопнул в ладони Франк, когда она закончила свою речь легким поклоном головы, что так умилял ее учителя. Анна посмотрела на Альберта, в ожидании одобрения и тот подошел к ней, положил руку на плечо и улыбнулся.

– Ты хорошо справляешься, – произнес князь Грeпиль. – Я в свое время ругался как сапожник, когда записывали мое первое обращение.

– Это когда вы начали Первую мировую? – усмехнулась Анна, глядя на этого высокого чуть полноватого мужчину с широкими плечами.

– Нет, когда объявил, что горжусь своей невероятной шевелюрой, – засмеялся Альберт и потер свою зальсину, образовавшуюся лет так двадцать назад.

Интересно, мама полюбила его за неунывающий характер или все – таки из – за расчета? С чего-то подумала девушка и резко покачала головой, дабы избавиться от этой ненужной мысли. Они любят друг друга и все, придерживайся официальной версии.

– Думаю, на сегодня мы закончим, – сказал Альберт, обращаясь к Франку, тот лишь слегка поклонился и продолжил обсуждать что-то со своим нервным ассистентом.

– Я знаю, что ты стараешься, – начал разговор Альберт, выводя ее из комнаты. – Просто ты слишком зажата и по тебе видно, что ты постоянно вспоминаешь правила и всю эту прочую чепуху.

– Эту чепуху именно ты забивал мне в голову, – парировала девушка, чуть ошибившись в произношении «чепуха».

– Че – пу – ха, – по слогам произнес Альберт.

– Чепуха, – вторила ему Анна, в который раз радуясь, что ей так легко дался французский и ей не нужно было учить, например китайский или арабский. Альберт, как носитель языка был неплохим учителем вне стен ее учебной комнаты. Да и как не выучить язык, когда все вокруг тебя разговаривают по – французски и не дают ей поблажек? Но теперь это ее страна и она просто обязана ее полюбить, иначе жизнь будет невыносимой.

Альберт, молча, погладил ее по голове, совершенно не понимая, что портит укладку ее волос, над которой так трудились стилисты. Он бы все отдал лишь бы вот так пройтись со своей биологической дочерью, воспитывая ее с детства, а не устраивая интенсивные курсы и каждый день просматривая мнения граждан об их новой княжне. Все было бы проще, если бы он женился на женщине из Грепиль, даже с кучей детей от разных отцов. Она была бы для всех «своя», а не «приезжая разведенка, падкая на деньги». Народу все равно, что он полюбил ее с самого первого взгляда, дышать не мог, боясь, что Мария не согласится провести с ним вечер или еще хуже, окажется счастлива замужем. Такая прекрасная, мудрая, яркая и спокойная, напоминавшая его мать Стефанию, пока ту не отобрала болезнь от реальности бытия. Его отец не смог пережить это, топя свое горя в алкоголе. Тем самым поставив своего восемнадцатилетнего, почти неподготовленного и окрыленного, сына на место главы самого богатого княжества Европы.

Мария. Альберт улыбнулся и посмотрел на падчерицу. Нет, дочь, что еще недавно бывшую ему никем: она совершенно не походила на мать – в ней не было женственной мягкости и магнетизма, зато был задор и жесткость. Был Александр с ангельской внешностью и явным интересом ко всему, кроме управления государством. Если бы он мог иметь детей, если бы они с Марией были бы немного моложе.

– Ты знаешь, я все экзамены сдала на «отлично», даже историю княжества, – похвасталась Анна, выдернув его из раздумий.

– Конечно знаю, – улыбнулся князь. – Сначала все докладывают мне.

– Ну, да, логично, – согласилась девушка, почувствовав себя немного глупо.

– Я думаю, в честь этого можно дать тебе выходной. Прогуляйтесь с Сашей и Тэмми по Грепиль – Виллю.

– Было бы неплохо, – натужно улыбнулась Анна, будучи не особо счастливо прогулки с всезнайкой, всеми любимицей и вездесущей Тэмми, дочкой каких-то старых друзей Альберта, на год старше княжны. Но с другой стороны это вполне неплохо бы смотрелось для имиджа. Посоветоваться бы с Хезер, что ей одеть и куда бы сходить, дабы папарацци увидели какая она милая и замечательная вне официальных камер. Анна на секунду запнулась: надо же – она хочет спросить совета у прислуги, а не собственной матери или отчима. Почему? Потому что первая ничего путного не посоветует, а перед вторым банально стыдно из – за своей корыстности?

Она хотела быть как принцесса Ди – всеми любима и восхваляема, вот только понимала, что той сердечности, кротости и доброты Дианы у нее в помине нет. Но ведь и она в отличие от бывшей принцессы Уэльской не жаждет любви, а трона.

Глава 3

Огромную зеленую ель, воцарившуюся в главном зале, установили всего за день до католического Рождества, ведь все были немного смущены тем, что Мария с детьми в «прошлой жизни» были православными.

Но ели было все равно – она была прекрасна и величественно возвышалась над всеми, маня своим хвойным запахом. В изумрудных иглах притаились блестящие, подобно бриллиантам, игрушечные шары, нити с серебряными колокольчиками и настоящие свечи. По традиции их зажигали в тот момент, когда сумеречная тень рождественского декабрьского вечера накроет первую ступень лестницы, ведущей на главный балкон дворца, расположенного в Грепиль – Вилле.

Саша, словно маленький ребенок, бегал по дому, гоняя почти напуганного кота и счастливую до невозможности собаку, что виляя хвостом носилась по всем коридорам, мешая слугам наводить последние штрихи в украшении дома. Серый взъерошенный перс забежал в приоткрытую дверь спальни Анны и жалобно мяукнул, всем своим видом показывая свое несогласие с таким варварским отношением к нему.

– Да ладно тебе, Эш, – девушка подошла к животному и вяла его на руки. Этого представителя семейства кошачьих ей подарил Альберт, как только они окончательно переселились в Грепиль. В то время он был еще маленьким не вредным котенком, любившим спать у нее в ногах. – Ты же можешь накинуться на него. Он же трус. И это я не только о Саше.

Она всегда разговаривала с котом по – роскрански, словно боясь забыть его, вот только питомцу было совершенно все равно на каком языке она зовет его поесть. Пусть будет это французский, что дался ей легче всего или английский, где она довольно часто путалась во временах. Главное была еда и внимание к его персоне.

– Княжна, вам письмо, – в дверь постучала Хезер, держа на специальном подносе одно единственное письмо. Ох, эти традиции. Конверт был из плотной кремовой бумаги, совершенно не подходящий для писем, отсылаемых обычной почтой. И это больше всего привлекало: Анна точно знала от кого оно, хоть с того приема прошло чуть больше двух месяцев, и в ее жизни появились новые люди и события, которые сумели потеснить того сверкающий образ из ее сознания. Она редко вспоминала об упонце, но однажды наткнувшись на очередную новость о его романе с «простой студенткой», что-то в мозгу Анны щелкнуло, и она решила непременно присутствовать в его «сказке». Может быть, она завидовала, а может ей, банально не хватало общения с этим довольно интересным человеком. Равным. Даже притом что ее по большей части сейчас мучила ответственность перед народом, девушка прекрасно понимала – теперь она одна из «звезд», так же как и этот загадочный упонец, который, как и Уильям, да и она, продолжали обучение в своих университетах и могут просто общаться с обычными людьми, даже не думая о романтической подоплеке. Просто дружить.

Забрав письмо с улыбкой, Анна поблагодарила Хезер и отпустила уже вырывающегося кота. Тот, приземлившись на пол, недовольно вильнул хвостом, направился вслед за Хезер.

– Смотри, кто нам написал, – почти пропела девушка по – роскрански, явно фальшивя, но зато с искренней радостью. Ей написали, проявили интерес и так же, как и немногие приятели, что остались на территории бывшего Советского Союза, скрасили ее самостоятельное затворничество.

Специальным ножиком девушка раскрыла конверт и достала оттуда открытку, которую явно приобрели не в Упони: два снеговика расположились у маленькой темной церквушки, будто распевая гимн. Княжна была точно уверена, что это одна из песен, поющих в католических церквях и снова что-то дрогнуло в ней. Как один человек может привнести в ее жизнь столько эмоций одной только бумажкой? Это поздравление напомнило ей о решимости добро-

вольно и добросердечно принять негласную государственную веру своего нового дома и чтить ее, как бы ее атеистические порывы не усложняли жизнь. Она правда собиралась это сделать, хоть и откладывала это, будто ожидая того самого момента, когда ей ткнут носом в какой-нибудь из газетных статей.

«С Рождеством и Новым Годом!»

Неровные буквы выдавали написавшего, который слишком мало за свои двадцать три написал писем на английском языке.

«Желаю обрести равновесие и счастье»

И подпись, показавшаяся княжне неведомой закорючкой. И все же эта открытка заставила ее сердце биться сильнее и это глупо было отрицать. Так же как и то, что правильным был тот поступок, запрещающий ей мечтать о несбыточном и довольно романтическом будущем. Раз. Это легко заставить себя – нужна только сила воли, ведь ей сейчас нужен собеседник, который смог бы поделиться с ней опытом, смог бы понять ее, а не неразделенная любовь. Скорее всего, поэтому она так и не послала первой то поздравление. А может быть боялась, что сама все выдумала и никакой даже симпатией там и не пахло? Теперь уж кости брошены на стол.

Девушка открыла верхний ящик и достала оттуда шкатулку с различными открытками, пробежавшись пальчиками, вытащила подходящую новогоднюю, купленную еще в Гилеве. Позже, вооружившись словарем, Анна старательно вывела упонскими иероглифами:

«Уж двадцать раз дракон гласил «прошло сто лет»»

А потом, пообещав самой себе и народу Упони больше в жизни не мучить их язык, приписала перевод и краткое поздравление по – английски.

Она отправит ее сегодня же, заставив бедную Хезер поднять на ноги почтовую службу его Святейшества. Но, так или иначе, 31 декабря 1999 принц Куроки получит открытку. Усмехаясь, под бой курантов в деловом центре Томио, он поднимет бокал шампанского, загадывая нечто особенное и сокровенно, трогательное его душу, подобно тому, что он видел в карих смеющихся глазах на том приеме у Винзоров.

Часы в гостиной пробили второй час ночи, а дом даже не думал засыпать после такого крупного благотворительного вечера, устроенного княжеской семьей. Анна, разрушая руками прическу, подошла к зеркалу в ванной и посмотрела в отражение. За спиной, в спальне Хезер укладывала в специальную коробку бриллиантовое ожерелье, что носила сегодня княжна. Наверняка у него была какая-нибудь история, но ей не хотелось ее знать.

– Ты кажешься усталой, – задумчиво произнесла девушка, обернувшись к Хезер. Кем же она была? Горничной, учителем, наставником, сообщником, стражником, сторонником, советником и кажется подругой, верно? Анне было настолько одиноко, что любую доброту она могла записать в дружбу или интерес. Вот она хрупкость человеческой души, что не может быть одной.

– Просто устала, – улыбнувшись, ответила Хезер и поправила свои светлые волосы, выбившиеся из пучка. Ее черное в пол платье оттеняло светлую кожу, делая ее похожей на утопленницу. Но княжну это вдохновляло, и она завидовала этой хрупкости, тонкости талии, бесцветности бровей.

– тогда до завтра, – кивнула Анна, отпуская прислугу, дабы наконец-то остаться наедине сама с собой. А еще княжна до сих пор смущалась переодеваться перед Хезер. Хезер. Умная, добрая и проникательная. Хезер. Коренная жительница, человек с литературным образованием помогает какой-то малолетке застегивать платье. Об этом ли она мечтала?

О чем мы мечтали в детстве и что сбылось? Анна хотела быть врачом, чтобы все было как в американском сериале «Скорая помощь» – каждый день водоворот событий, крики, шумиха, адреналин и связанные человеческие судьбы. Потом археологом – бесстрашным и смелым, обязательно с кучей приключений в жизни на грани фантастики, вот только дальше этих идей в

голове, действия никуда не шли. Она вообще до этих событий в сердце Греспубли, плыла по течению совершенно ничего не решая, не знакомясь первой, не удерживая людей, не привязываясь к ним, словно боясь, что те, как и ее биологический отец, обязательно покинут ее при первой же возможности. Возможно, именно поэтому она запрещала себе интересоваться у Хезер, что они с мужем делали в выходные или проводить время с тем самым необыкновенным, правда по рассказам других, приятелем Альберта. Анна запрещала себе думать о Куроки больше чем раз в день, но с каждым запретом любопытство все больше раззадоривало ее. Наверное, потому что умом она понимала, что все это бессмысленно, и он не стоит времени и чувств. Если все было бы так просто и сложно одновременно. Если бы человеческая душа была так проста, то она бы в первую неделю выкинула его из головы. Спокойно бы общалась на светских раутах, даже сходила бы на пару неудачных свиданий. Вот с Джорджем они вполне нормально могут находиться в одной зале. «Люди рампы и софитов» приглашали ее, в надежде лишний раз засветиться на полосках газет, а она и не отказывалась, малодушно радуясь своему положению и то, что она, а не красавица – Катя из параллельной группы в университете, сфотографирована с Энрике под руку. А еще была та красивая упонская девушка с фото, о которой Анне пришлось узнать из газет, сплетен и слухов. Ее называли просто подругой, сокурсницей, никакой конкретики. Вот только почему сердце так бешено немного испуганно колотится?

Тщеславие. Альберт и Хезер постоянно опускали ее на грешную землю, и она была им благодарна, ведь один неловкий шаг и твой позор увидит весь мир. Даже если он у тебя под ногами, нужно вести себя подобающе. Ведь приятнее читать восхищенные комментарии, а не критикующие строки.

Юноша был готов окунуться в новые чувства и жизнь, но никогда не забывал, что рядом с ним Сора, успешно прошедшая императорскую проверку на «вшивость». Куроки явственно понимал, что так Дворец так просто не оставит в покое его личную жизнь и слабавольно, как казалось его родной сестре, начинал ступать по протоптанному родителями пути. С некоторой завистью в сердце он наблюдал за беспечно гуляющими влюбленными парочками. Его ни в коем разе не волновало, что возможно и у них есть проблемы, нужно лишь капнуть глубже. Нет, лишь один несчастнее всех в этой стране. А ведь когда он был помладше, то с легким непониманием относился ко всем этим любовным трагедиям в монаршей семье: вы поженились – так все живите дружно. Сейчас же в нем отчасти играло бунтарство.

Куроки искоса посмотрел на Сору, сидевшую рядом и мирно общавшуюся с их однокурсниками. Сегодня был восьмой день января 2000 года и Сора Ямада умудрилась вытащить на день рожденья. А он считал, что лучше остался бы дома: сидел бы в библиотеке и перебирал трактаты о древних войнах, все – таки недаром он был назван в честь памяти генерала, участвовавшего в роскрано – упонской войне и бывшим дальним родственником его матери. Да и учебу никто не отменял.

Куроки усмехнулся: вчера он первым делом отправил письмо в Греспубли с сообщением о том, что Упония прекращает свою территориальную войну с Роскраной. Это должно было порадовать Анну, а ему дать повод написать и пусть он помнил, что она родом из другой страны, но дух единства СССР даже спустя девять лет никак не хотел выветриваться из сознания окружающего сообщества.

Повод – как банально, но ему хотелось написать ради некоторого азарта и интереса – что-то в груди заставляло сердце биться сильнее. «Хотелось» – одного желания никогда недостаточно для свершений, но оно может помочь найти выход и вот в письмах Куроки удовлетворял свою потребность в этой почти мистической связи с «европейкой». Не все же просматривать новости в поиске ее лица или имени. Письма – это оптимальный выход. Это личное.

– О чем задумался? – Сора решила обратить на себя внимание, немного неловко заправив за ухо прядь своих вечно подстриженных под каре черных с медным отливом волос. И

красивый, миленький маленький носик и тонкие губы, что по меркам большинства модных журналов Упонии превозносили свою хозяйку до ранга первой красавицы страны. А еще она всегда и все прощала, хоть и чувствовала некую отдаленность своего принца.

– Я просто вспомнил шутку, – Куроки постарался, как можно более дружелюбно улыбнуться девушке, которая не была виновата в том, что влюбилась в юношу со странным сердцем и характером.

– Если тебе не интересно, то мы можем уйти, – прошептала Сора, вглядываясь в почти черные глаза принца. Она искала в них тот же огонек, что жил в нее. – Я могу соврать, что плохо чувствую себя.

– Не стоит, – Куроки накрыл своей ладонью ее. Она не достойна такого «счастья» как он, и все же он не думает освобождать ее от этой доли. Если наконец-то признаться самому себе, то Куроки банально свыкся с мыслью провести с Сорой всю жизнь, раз уж она с такой легкостью прошла проверку на вшивость.

Юноша тряхнул головой, словно пытаясь выбросить ненужную мысль из головы. Даже сами мысли могут иногда пугать. Он явно не должен был ждать встречи, это настораживало – впервые в жизни он ощутил, что внутри, где-то около сердца, образовался воздушный шар, что пытался парить над землей.

А ведь он был мужчиной и эти глупости для него по определению должны были быть чуждыми, вот только принц чувствовал себя героем бульварного романа и готов был подобно соловью броситься на шипы куста розы. Как же он молод и глуп.

12.01.2000

Если я попрошу вас украсть у Соры то серое платье (смотрите вырезку), вы осуществите мою просьбу?

И если нет, то я официально отказываюсь от своей поездки в Лиссабон на эту глупую конференцию, где мое присутствие кажется мне лишним. Я могу и в газетах прочитать о новых затратах на экспорт дерева. Что за чушь посылать туда людей, совершенно не компетентных в данной сфере?

Вы так не думаете? Или я одна настолько глупа?

A.P.

Он, конечно же, и не думал красть платье у Соры, просто обнял ее легко за талию, и спросил где же она приобрела это чудо. А после заказал новое, правда, немного помучившись с размерами княжны, но СМИ обожало печать ее снимки, так что портному не составило особого труда сотворить немного видоизмененное платье, идеально севшее на фигуру девушки. Неловкость все же возникла, когда Сора застала его за скрупулезным разглядываем полученного платья. Но Ямада, будучи умным человеком, лишь на секунду чуть поджала губы и переглянулась с принцессой Сакурой, шестнадцати лет отроду. Она должна быть сильной, ради себя, своей любви и своего будущего.

30.01.2000

Увы, моя почтовая служба запретила мне обсыпать данное платье стрихнином. Ничего они не понимают в отличной шутке.

В Лиссабон была отправлена милейшая Сакура, что в этом месяце провинилась больше, чем я. Так что именно от нее я узнал, что вы снова строили глазки Уильяму? Право, я от вас ожидал большего. Мне иногда становится за вас стыдно.

P.S. Жаль, что Сакура не набралась смелости познакомиться с тобой.

K.

Она же смеялась над данным заявлением, так же произвольно во всех газетах выискивала глазами новости об Упони, словно именно они могли служить мостиками между их комнатами.

– Ты сегодня сияешь, словно начищенное серебро, – заметил однажды за ужином Альберт, Саша фыркнул и ткнул сестру под столом.

– Какое интересное сравнение, – улыбнулась Анна, стукнув брата по ноге в ответ. – Но у меня просто хорошее настроение.

– У тебя всегда оно повышается, когда приходит почта из Упони, – заметила княгиня Мария, сидевшая напротив мужа и следившая за его рационом. Недавно врач прописал ему новую диету из – за сердечной недостаточности, что подкашивало всю главную ветвь данного семейства, но Альберт даже не думал ее соблюдать. Его жене же оставалось лишь хмурить брови и бросать сердитые взгляды на непослушного мужа. Мария не могла долго на него сердиться, может быть, потому что каждый раз, когда она на него смотрела в ней просыпалось чувство так похожее сонного человечка – такого милого, смешного и родного. На такого невозможно обижаться и злиться, только снисходительно смотреть. А ее дочери иногда так хотелось понять и узнать какие именно чувства испытывает к князю ее мать. Нет, она безоговорочно верила в их ошеломительный курортный роман, но что дальше? Дальше она видела какую-то непонятную безликую милость. Но Мария больше не плакала и это успокаивало дочь – значит ее мать счастлива с этим полноватым публичным человеком с фантазерской душой.

– Я такая же счастливая, когда мы ходим в театр! – картинно возмутилась юная княжна. Неделю назад они всем семейством, в сопровождении Хезер и министра Образования, посетили Лондонский королевский театр, где Анна в очередной раз влюбилась в очередного британского актера. Она всегда чувствовала к ним слабость, взять того же Колина Ферта или Алана Рикмана.

– Кстати об искусстве, – встрял в разговор Саша. – К нам приезжает корейская поп – группа.

– Если я люблю корейские дорамы, это не значит, что я люблю корейскую музыку, – съязвила Анна. Закончив трапезу, она встала из – за стола и разгладила серое платье, что подарил ей Куроки. Она не думала выходить в нем в свет, но ей так хотелось радовать себя красотой мерцающих кристаллов Сваровски, вручную расшитые по груди и коротким рукавам. Она так падка на блестящие вещи. И как она только смогла позволить себе такую дерзость?

06.02.2000

Встретимся в Лондоне. Я все же решила взять у Джоан автограф. А вы можете получить уникальные фото смищенной княжны. О, я уверена это будет еще-то шоу.

А.Р.

Очередная открытка с видом Биг – Бена и лишь пару строк, но ради них Куроки отменил обед с родственниками Соры, эгоистично в который раз наплевав на ее чувства. Их переписка с княжной заставляла кровь в его сердце бешено гнать по венам, не давая мозгу опомниться. Он жил – Сегодня, не думая ни о ком кроме себя, словно бунтующий подросток, которому в будущем не светит управлять страной. Не важно. Ничего не важно, лишь этот объект сумасшествия, которому он пишет ночами письма, не дает ему о себе забыть. Почему она так его интересуется? Что в ней такого, что его задевает? Как же это все глупо и излишне эмоционально. Но тем ни менее, он нашел в Лондоне официальное событие и к скупой радости отца, радующегося, что сын решил встать на путь истинный, вызвался его посетить. Раз ложь, два ложь, и вот он в самолете читает, кто же такая Джоан и почему эта европейка так ее боготворит.

Но строчки сливались в бессмысленную кашу, а в голове снова и снова возникал образ обиженной Соры, что не могла понять, что же с ним не так. Они были знакомы четыре года и

за это время лишь немного узнали друг друга. Куроки отложил бумаги и откинул голову назад, закрывая глаза.

Они познакомились за обедом знакомых, но не сразу нашли общий язык. Потребовалось пару месяцев, прежде чем Куроки начал первым подходить к компании Соры. Еще год, чтобы с ней вдвоем готовиться к занятиям в библиотеке и сидеть рядом на общих занятиях. Они не переписывались смс, редко звонили друг другу, предпочитая молчаливое нахождение рядом. Еще полгода, чтобы осознать, что эта определенно красивая и умная девушка влюблена в него и покорно ждет его ответа. А он... вел себя, как и любой своенравный мальчишка: брал ее за руку, прогуливался по парку университета, улыбался ей легко, почти мимолетно целовал ее, пока никто не видит. Но не говорил, что любит и что они теперь пара, оставляя все непроизнесенным, будто бы это само разумелось. А Сора. Сора не смела вот так просто и панибратски вести себя с самым наследником престола. Даже будучи незнакомым с Анной он иногда по – свински вел себя с этой великолепной девушкой, которую он не заслуживал. Не отпуская ее, но и не давая ничего существенного в ответ. И самое ужасное, что он это понимал, но ничего не делал.

Куроки нахмурился. Он должен радоваться и быть преисполненным вдохновением от ожидания встречи с Анной, но что-то внутри ныло. Неужели совесть? Обиженное лицо Соры снова предстало перед взором. Почему он так уверен, что она его не бросит? Вдруг это была последняя капля для ее хрупкого любящего сердца? Что бы он сделал на ее месте? Бросил. Разорвал все бы связи. А она? Она постоянно дает ему второй шанс. В надежде на что? Что станет принцессой Упонию? Разве это того стоит? А если не Сора, то кто? Кто сможет его рассмешить? Мягко сделать замечание? Простить, наконец, ту холодность и невниманье? Да она сам настолько привык к Соре, что уже и не помнит когда был по – настоящему одинок.

– Мне так жаль, – она старается не заплакать. – Но ведь это государственные дела...

А еще если бы не газеты, мои бы родители не верили, что я встречаюсь с тобой. Почему ты так жесток со мной?

– Как же мне с тобой повезло, – Куроки поцеловал ее в лоб и посмотрел прямо в глаза. – Ты просто сокровище.

Сора смущенно улыбнулась, хотя в глубине души таила слезы. Он не знает, как она будет оправдываться перед родителями, что после запрета в своей квартире, откроет бутылку вина и, подпевая радио, допьет ее до дна, радуясь тому, что ее семья немного обеспеченная и может позволить ей отдельную квартиру. Почему она все это терпит? Потому что любит.

Стюардесса подошла к принцу и осторожно разбудила, сообщив, что самолет скоро будет заходить на посадку.

– Спасибо, – автоматически улыбнулся Куроки и потер глаза. Ему снилась Анна, что смеясь, играла в шахматы с Сорой. Станный сон. Нужно что-нибудь купить Соре. Ей будет приятно и может на его душе станет менее гадко? Господи, насколько же он наивен и эгоистичен.

Глава 4

Аэропорт «Хитроу» провожал ее протяжным воем взлетающих в тусклое небо самолетов. – По – моему, это самое банально прощание, которое мы могли придумать, – Анна поправила воротник черного пальто Куроки и украдкой посмотрела по сторонам. Она наконец-то начала осознавать, что играет не в ту игру: они уже разговаривали с Хезер о невозможности хеппи – энда, но все же надежда эта глупая и странная надежда почему-то не хотела покидать уголок ее сердца. Девушка снова посмотрела по сторонам, правда, улыбаясь, той мысли, что она переживает из – за него – его родители явно не схожи с Альбертом, они не станут снисходительно качать головой глядя на безумства своего чада. Эта огласка, эта личная жизнь напоказ, эта красивая девушка, что ждет его в Упонии, ее не волновали. И это была чистая правда. Ее интересовал конкретный человек, и остальное переходило на второй план. Она ужасно глупа или просто влюблена?

Ей внезапно захотелось, чтобы он ее поцеловал. С одной стороны такой странный и резкий порыв, а с другой совершенно искренний и естественный. Милые юноши сопровождали ее на вечерах, но никто даже не смел думать касаться губами ее щеки. Все происходило по правилам, озвученным Хезер: невесомый поцелуй руки, предложить свою руку как опору, пиджак, осторожно поправить подол платья и все. Дальше проходила невидимая граница, которую все ощущали. Тут же обоюдный интерес раскалял обоих – возможно они оба хотели узнать до чего они смогут пойти. Как же сложно идти по этому тонкому лезвию.

Куроки взял ее лицо в свои руки и легонько поцеловал в лоб, полностью повторяя один из моментов – клише многочисленных фильмах. Волшебно, сказочно и скромно. Жаль, сказки так быстро заканчиваются. Он отстранился и увидел ее закрытые глаза и немного наивное выражение лица. Забавное, но почему-то щемящее сердце. Может потому что это все искренне?

– Я от сей мелодраматичности сейчас умру, – тихо произнесла Анна и глупо хихикнув, уткнулась носом в застегнутое наглухо пальто юноши. Ей было немного стыдно за произошедшее, она должна была держать себя в руках, ведь прекрасно понимала, что с каждой минутой все больше влюбляется в данного человека. А дальше будет больше и виновата будет лишь она сама. Но сейчас, стоя почти посреди зала ожидания, она ничего иного не придумала, как резко приподняв голову, поцеловать Куроки в его заостренный подбородок, а затем словно заправская химчистка стирать следы своего тонального крема с его черной одежды. А еще хотелось улыбаться, да так чтобы болели щеки.

16.04.2000

Кто бы мог подумать, но сегодня я проснулась с мыслью о вас. Наверное, потому что в последние дни в новостях то и говорят, что девятилетняя Мэмо Акэсимо впервые предстала перед публикой. Я, конечно, понимаю, что в некотором роде это целое событие, но не пытаются ли ваши СМИ данным «явлением» задавить новость о том, что госпожа Хаями пыталась совершить покушение на вашего отца.

Тем не менее, я надеюсь, что великий император Нарухимо не пострадал и здоровствует. Этот поступок просто ужасен, ведь мы живем в современном мире!

У нас совсем ничего не изменилось: Патрик Пруст заменил Леклера на его посту, и я еще не имела возможности с ним встретиться. Это так волнительно. Ощущаю себя, словно молодая Елизавета Вторая.

Мы всей семьей прошли обследование у кардиолога т.к. бытует страх о сердечном проклятье, нависшем над семейством Полиньяк. Результаты не дали ничего особенного: Аль-

берту снова прописали диету, у меня что-то с клапаном, но это мы и знали еще лет с пяти. Ничего серьезного и ты сможешь меня лицезреть еще лет сорок.

Сорок лет? Ого, какой срок! Мне будет шестьдесят. Ого! Ты когда-нибудь думал, каким ты будешь через сорок лет?

А.Р.

Она написала этот имейл и сразу отправила. Просто чтобы не передумать и не погрузится в пучину размышлений, что все больше и больше накатывали на нее. Она начала скучать без общения с ним, без того чтобы не поделиться новостью или заметкой. Странно, княжна ведь почти не знала его, но так тянулась, что это начало ее пугать.

Вдох. Выдох. Если она не будет думать о нем, если заполнит свою жизнь иными событиями, то перестанет так остро реагировать. Расстояние. Ее спасало расстояние. Иначе бы княжна как героиня глупых фильмов искала с ним встречи, гуляла по его паркам и улицам, обеспокоенно искала в многолюдном мегаполисе лишь его одного. О! Был еще Разум и вот он останавливал ее, подсказывая правильные действия и шептал, перефразируя Хезер «Хватит в твоей жизни сказки, пусть будет и драма».

Анна откинулась на спинку стула и посмотрела на строку «Письмо успешно отправлено», светящуюся на экране компьютера. Сейчас она глубоко вдохнет, закроет почту и будет ждать ответ, вплоть до того момента, как все новостные каналы мира взорвутся новостью о внезапной женитьбе принца. И она будет одной из первых кто поздравит его. Во всяком случае, именно это она себе и планировала, прежде чем, полностью выключив злосчастный компьютер, спустится в гостиную, где обнаружит Альберта в компании его любимого загадочного друга. Это даст ей шанс хоть на несколько часов отвлечься от собственных глупых мыслей и побыть объектом колких насмешек со стороны князя. Но они будут отражены с легкостью и юмором, подпитанными словно отеческой защитой гостя.

– Жаль ты не присутствовала на прошлых дебатах, – Альберт снова потянулся за сигарой. Второй же мужчина уклонился от предложения. – Виктор прекрасно себя проявил.

– Альберт, мне кажется или я слышу в твоем голосе одобрительные нотки? – засмеялся Виктор Руже и заговорщицки подмигнул княжне. – Мне уже тридцать и я довольно сформировавшая личность.

– Одинокая сформировавшаяся личность, – уточнил Альберт.

– Кто бы говорил, – по – рокрански парировала Анна и закатила глаза. Ее умиляло это общение старых двух друзей, что вели себя словно дети. Она уже давно привыкла к так часто гостившему у них Виктору, что даже спокойно оставалась с ним наедине. Он поражал ее с каждым днем, представляясь великолепным рассказчиком и обладателем хорошего чувства юмора. Виктор был умен и что греха таить, красив и хорошо сложен, значительно выделяясь своим подкаченным торсом на фоне намечающегося пивного животика Альберта. Анна была уверена: он с легкостью мог сниматься в кино и быть обожаемым большей частью женской аудитории. Да за одну его белозубую улыбку можно отдать жизнь, а что уж говорить о зелено – карих глазах и темных вихрах волос. В этого красавца, метр девяносто, можно было без зазрения влюбиться, что и сделала какая-то бизнесвумен из Австралии. Но ответил ли он ей взаимностью было неизвестно даже Альберту – был у Виктора такой порок.

– Говорят, вы снова собираетесь в Англию, – обратился к ней Виктор, подлив себе и ей чай, принесенный прислугой. Раз уж они не думали присоединиться в курении к Альберту, то пусть уж будут уничтожать листья с личной чайной плантации князя.

– Да, думала, – Анна улыбнулась гостю. – Правда после того как посетил свой университет в Гилеве.

– Осталось совсем немного, и вы будете свободной птицей? – Руже изобразил руками голубку, что взмахнув крыльями, улетела прочь.

– Виктор, – снисходительно покачала головой девушка. – Я наследница престола, какая я вольная птица?

Мужчина резко посмотрел на князя, что продолжал любоваться сигарным дымом. Эта девчушка была права и Руже ничего не мог сказать в ответ, лишь перевести разговор в другое русло, изредка бросая взгляд от одного представителя монаршей семьи к другому.

Возможно, ему хотелось сказать, что все это неправильно, но перед глазами вставал пример Винзоров и Полиньяк. «Это просто такая работа – быть главой государства» однажды ему сказал Альберт, правда тогда он еще не знал, что спустя годы будет все так же сидеть в кресле напротив Виктора ощущая некую нежность восхищаться следующей наследницей престола.

Все в этом мире довольно странно.

– А теперь на чистоту, – произнес Альберт, когда Виктор покинул их, сидящих в креслах друг напротив друга, оставив после себя улыбки на лицах домочадцев и очарованной прислуги. – Какая реальная причина твоей поездки? Мы с мамой видим, что что-то не так. Но ты же знаешь ее. Она боится спросить.

– У меня все хорошо. Это не наркотики или что-то нелегальное, – заверила Анна, начиная краснеть. – Просто я встречаюсь с парнем из другой страны.

Она понимала, что ему стоит сказать хотя бы часть правды, ведь в первую очередь это важно для ее безопасности. Да и ведь летает она за его счет, хоть и бюджетными авиалиниями, и хорошо, что он просто напросто не приставил к ней постоянных телохранителей. И как же замечательно, что ее лицо не растиражировано, как британских наследников, и за рубежом она может позволить себе выглядеть как нормальный человек. Есть гамбургер в Макдональдсе, чихать на улице и собирать волосы в отвратительный кривой хвостик.

– Это тот упонец, – вздохнул Альберт и чуть подался вперед. – Ты влюблена.

– Мне кажется, да, – девушка отвела взгляд, готовая расплакаться от этой простой правды.

– Ты понимаешь, что сказки с красивой свадьбой в конце не будет? – грустно произнес мужчина. Как же он ненавидел это чувство первой любви, что разбивает сердце вдребезги.

– Да. Поэтому мы и встречаемся в других городах и странах, – она не хотела видеть этот понимающий взгляд. Лучше бы он накричал на нее за растрату денег или за безрассудство. Как же больно признаваться в своих неудачах. Ей почему-то стало стыдно за свои отношения с Куроки. Хотя разве это отношения? Игра. Игра в которой не будет победителя. Они оба проиграют, ведь никто не сделает решающего шага в бездну. Слишком страшно потерять то, что имеешь. Никто не хочет рисковать ради каких-то глупых чувств. И может это правильно? Не всем же быть безрассудными от любви. Хотя откуда она точно знает, что Куроки ее любит? Она вполне могла быть игрушкой или временным увлечением, дабы развеять скуку, экзотикой, что не отдается ему только потому, что он принц.

– Мне жаль, – Альберт потянулся и положил руку ей на колено. – Жаль, что это разобьет твое сердце, но спустя год или два, ты будешь вспоминать об этом с улыбкой. Ты еще влюбишься ни раз, я точно знаю. Ты же у меня такая умница и красавица. Тем более богата. Да за тобой и так табунами ходят.

– Вот только я не отвечаю тем же, – Анна наконец-то посмотрела на Альберта. – Да ты и сам женился не на актрисе.

– Зато у меня было столько романов. Веселое время, – засмеялся мужчина, а потом резко сделал серьезное лицо. – Но лучше бы я раньше встретил бы твою маму. Был бы намного счастливее в этой тихой гавани, где не нужно притворяться лучше, чем ты есть. Я об этом и Виктору постоянно говорю.

– Ты остепенился в сорок, – возмутилась Анна. – У Виктора еще есть лет десять. Не ставь на нем крест.

– Хорошо, – улыбнулся Альберт и откинулся обратно в кресло. – Я просто боюсь, что он не найдет ту, что выдержит его опеку, постоянно понимание Он даже не умеет ревновать.

– У него вообще есть хотя бы один недостаток? – засмеялась девушка. Оказывается, от разговоров по душам и вправду бывает легче. Почему они не делали это раньше?

– Поверь, без капли ревности, отношения, даже отношениями нельзя назвать, – решил изречь мудрость князь Грепиль. – Пресно и начинает закрадываться мысль, что твой партнер просто тебя не любит.

Анна задумалась над этим изречением. Ревнует ли ее Куроки к тем парням – на – вечер? А она? Пока он срываясь, мчит к ней, ей не хотелось даже думать о том, что кроме нее такой яркой и замечательной, у упонца в сердце и разуме кто-то есть. Да, он не был ее хеппи – эндом. Но сейчас. В это мгновение он был ее. Только ее. Почему же от этих мыслей становится на душе больно и немного страшно?

30.04.2000

Отцом все хорошо, но нам пришлось увеличить охрану. Так что будь добра не присылай мне в конвертах Сибирскую язву. Очень сильно прошу.

Мэмо очень была рада к проявлению интереса к своей персоне. Но она еще мала, чтобы осознано понять всю ужасность такого создания как СМИ. Мне временами так ее жаль, хотя я и должен ее ненавидеть. Ведь она отличный претендент на трон.

Сорок лет довольно приличный срок для европейцев, но не для нас. Во всяком случае, моя семья считает все полувеками.

Каким я вижу себя через сорок лет? Шестидесятитрехлетним принцем. Скорее всего, к тому времени у меня уже будут внуки. Но если честно, то я не хочу заглядывать вперед. Это не радует и даже немного пугает. И пусть мой разум подсказывает мне, что случится в ближайшие годы, но я всеми силами хочу оттянуть наступление этих событий. Мне они не нужны.

Вас недавно видели в компании с каким-то британским актером. Новое увлечение, дабы забыть старое? Не теши себя надеждой, что это так, но все же...

А еще я тут задумался, почему мы так часто пишем, друг другу именно обычные бумажные письма, ведь так долго ожидать ответ, но потом сам нашел ответ. В таких письмах больше эмоций и чувств. И их, конечно же, приятнее получать – ведь по почерку видно какое настроение у человека и что он чувствует.

Завтра мы с Сакурой поедem в один из беднейших городов нашей страны. Наверняка это будут использовать как отличный пиар императорской семьи, но для нас это будет отличный опыт. Вот только я немного нервничаю, боюсь сделать что-то неправильно. Банально: скривить нос от вони или вздрогнуть от прикосновения бедняка. Я ужасен.

К.

От ламп, что казалось, расставлены здесь повсюду, исходил не только свет, но и манящее тепло. Это особенно ценилось, когда на дворе гостил глубокий вечер и лил дождь. Они решили выбраться всей семьей, при минимальной охране, сидящей за столом, позади Альберта, как – никак цели «номер один».

Этот ресторанчик был стар и престижен, но находился в тупике и без рекомендаций и координат они бы никогда не узнали о нем. Казалось, он для местных, правда, с чуть более высокими доходами. Впрочем, кто еще будет жить в центральной части города?

– Я уже привык, что люди смотрят, как я ем, – прервал затянувшуюся паузу Александр и убрал с глаз челку светлых волос. – Но дома они следят, чтобы я не подавился, а тут прямо жаждут этого

– Ну, что ты, – постаралась успокоить его Мария, одетая в серое платье, купленное в масс – маркете. Ее светлые волосы были собраны в чуть растрепанный пучок, будто бы небрежно и в спешке собранный, словно она не готовилась целый час к выходу.

Этот выход в «нижний свет», как называла его Хезер, был неплох для имиджа и для самой семьи, что в последнее время так редко собиралась в полном составе. Мария постоянно была занята своим благотворительным фондом «унаследованным» от матери Альберта; Саша учился и играл в школьной футбольной команде; Анна изображала из себя ответственного человека, посещающего выставки и политические рауты; Альберт же сопровождал ее, иногда спихивая данную ответственность на послов и дипломатов, а иногда даже на Виктора, что умудрился пройти в парламент княжества со второй попытки. И что ему на своем месте не сиделось? Правда Анна в полной мере не знала, кем до этого работал друг Альберта.

– Кстати, настолько терпеть не могу рыбу, – княжна вилкой отделила кусочек золотистой, приготовленной в кляре, морской рыбы. – Но здесь она просто великолепна.

Она сказала это чуть громче, чем положено, дабы отвлечь внимание гостей от молчаливой трапезы остального семейства. Они должны веселиться, смеяться и шутить, показывая окружению насколько они счастливы и дружны.

– Ты просто еще не пробовала стейк, – принял подачу Альберт, отпив вина и потянувшись к Марии, погладил ее по щеке. За окном ресторана заработали фотовспышки. Мужчина чуть нахмурился, зная нелюбовь супруги к показным чувствам. Была бы ее воля, она вообще бы дальше лужайки у дворца не выходила.

Из ниоткуда рядом с окнами возникли официанты и закрыли их тяжелыми зелеными шторами. Папарацци и так уже прорекламировали их заведение, теперь нужно было оставить гостей в покое, дабы те после рассказали о данном вечере своим друзьям.

– Ну, наконец-то можно нормально поесть, – вздохнул Саша и отложил нож в сторону. – Сажу как аристократ фигов.

Последнюю фразу он произнес по – рокскански, что немного смутило Альберта, что узнал лишь «сажу».

– Может быть, поговорим о чем-нибудь приятном? – предложила княгиня, поправив на платье салфетку.

– Я предлагаю в следующем месяце сходить вместе в оперу в Париже, – воодушевленно произнесла Анна, тоже отложив столовые приборы и поедая картошку – фри, гарнир к рыбе, с помощью пальцев.

– О, наконец-то выплещусь, – согласился Альберт и засмеялся, не обращая внимания на укоряющий взгляд жены. – Может, лучше сходим на игру к Саше? Возьмем Виктора...

– О, да, – закатила глаза Анна. Иногда ее нервировала эта маниакальная привязанность Альберта к другу. Впрочем, как она может винить его, если сама страдает от невнимания Куроки. – В прошлый раз, наш визит на стадион, чуть не сорвал игру. И дело не в твоей красоте...

Они дружно засмеялись, вед я себя как нормальная семья, не обращая внимания на заинтересованные взгляды других посетителей, что все же не желали покидать данное заведение.

Они встретились с Сорой у входа в один из центральных торговых центров Мокио, он хотел вместе с ней побродить по художественному магазину. Куроки всей своей кожей чувствовал, что вокруг полно скрывающихся репортеров, готовых загрызть друг друга ради удачного снимка «главной пары страны». Юноша усмехнулся: хорошо хоть перестали обсуждать его ориентацию.

Сора. Он считал ее хорошей, умной и талантливой девушкой, которая уж точно была достойна большего. Вот только мы считаем вправе указывать себе кого мы достойны. Любовь временами бывает эгоистична, но это ее ничуть не портит. А вот увлечение... Увлечение может

быть стремительным, захватывающим, сладким и опасным. От него может вскружить голову и подтолкнуть к пропасти. Нестабильно и прекрасно. Именно на него Куроки списывал все свое безумное помутнение. А как еще объяснить то, что ни в одной девушке Упонии он не мог найти той искры, что притягивала его к Анне?

– Особый сдвиг мозга, – неожиданного для самого себя вслух произнес Куроки и, оглянувшись по сторонам, с облегчением обнаружил стоящую рядом удивленную Сору.

– Прости что? – встав на цыпочки, девушка легко коснулась губами его губ.

– Ничего, – уклончиво ответил принц, приобняв ее за плечи, повел в сторону одного из брендовых магазинов. Он почти научился уводить разговор в иное русло. Ямаде лишь оставалось промолчать: она прекрасно понимала, что даже то, что она официально является почти невестой наследного принца не дает ей права возражать ему или критиковать, а тем более устраивать сцен. И что-то ей подсказывало, что и в будущем такой свободы ей не предвидется. Какое-то женское чутье подсказывало Соре об опасности и запертой комнате, расположенной в сердце Куроки и она, проведя столько ночей без сна, решила, что не будет открывать эту и дверь и узнавать, кто же там живет. Нет. Она умна. Она будет потихоньку собирать у той двери баррикады, состоящие из счастливых моментов связанных с ней, с лаской, смехом, нежностью и заботой. Ему нужно внимание? Она тут как тут и обязательно поддержит, даже если он не прав. Вот только почему ей это нужно?

Она просто его любит. Такое простое осознание, что дальше не видишь жизни без этого человека, чтобы там не говорили окружающие.

Сора чуть сильнее сжала руку Куроки и улыбнулась: ее народ пережил две атомные бомбы, а тут какие-то химические реакции в человеческом организме. Какая нелепица.

Их народ к счастью не переживал ни атомные бомбы, ни холокост. Их землю не вспахивали минометами или конницами. Но почему-то временами народ вел себя как старый вояка, вечно недовольный и ворчливый. Анна понимала, что будь она на месте грепильцев, то так же скептически относилась к чужестранке, хоть и белокожей, как и 84 % населения, и довольно неплохо разговаривающей на государственном языке, и к тому же не влезающая в скандалы. Вся такая милая, добрая и замечательная на фото и видео. Но. Но она родилась не в Грепиль. И это перечеркивало все. Иногда ей хотелось бросить все, расплакаться и уехать обратно в Гилев, чтобы потом эти злые людишки осознали насколько совершенной была она. Да, княжна знала историю государства лучше большинства сограждан. Да, она... Впрочем, не важно. Что же им нужно еще? Когда же они привыкнут к ней? Когда смирятся с неизбежным?

Анна отложила газеты и подошла к окну, разглядывая кольцо из белого золота с россыпью рубинов, подаренное Альбертом, когда она соизволила дать благословение на их брак с Марией. Потрясающее, яркое и переливающееся, притягивающее взгляд, но довольно миниатюрное – один крупный рубин, в обрамлении нескольких мелких. Хезер призналась, что Альберт заказал его специально для нее, вдохновившись детской фотографией Анны в красном платье на утреннике в саду. Девушка любила прокручивать кольцо на среднем пальце левой руки, когда о чем-то задумывалась. Забавно, но оно кажется, стало ее талисманом. Саша получил шикарный горный велосипед, о котором мечтал.

– Зря, ты переживаешь, – раздался голос позади. Анна обернулась и увидела Виктора, стоявшего у столика с газетами. Как он умудряется так бесшумно подходить? И насколько ему все дозволено: просто так, без прислуги, бродить по дворцу бессовестно заходя во все комнаты, исключая конечно спальни. Десятилетняя дружба с князем дает такие привилегии?

– Думаешь? – Анна наблюдала, как мужчина неспешно подошел к ней и по – доброму улыбнулся.

– Поверь, все эти газетные истории и сплетни живут максимум неделю. Потом случится какой-нибудь скандал и все забудут. Поверь, – Виктор склонил голову в бок, разглядывая раздосадованную княжну. – Когда Альберт решит передать тебе трон, СМИ заполнит информа-

ция, возносящая тебя до небес. Дворец постарается. Даже если ты убьешь человека, они обставят это, будто бы ты защищала страну от врага. Нужно просто потерпеть, поверь. Знала бы ты, сколько грязи вылилось на меня, когда я пришел на благотворительный ужин Альберта и тот при всех назвал меня своим другом. Как давно это было? Семь лет назад? Да, точно. А сейчас я просто ангел, которому просто не везет в любви.

– Знаешь, твои семь лет, – вздохнула Анна. – Меня совсем не радуют.

Виктор засмеялся, положив руку ей на плечо. Славная милая девочка, которая просто боится.

Глава 5

Они лежали на диване в маленькой гостиной, единственной где был телевизор с видеомагнитофоном, и смотрели «Сабрину» с Харрисоном Фордом. Каждый второй четверг месяца они устраивали «парные» вечера: Альберт проводил время с Сашей, а Анна с Марией. Первые чаще всего ездили куда-нибудь в Грепиль – Вилле разгонять тоску вкусно и вредно поесть, а вторые чаще всего оставались дома для просмотра фильма или спа – процедур. Эти вечера помогали им не терять друг друга, ведь Альберт столько времени проводил с Анной, занимаясь государственными делами, что времени на успехи Саши у него почти не оставалось. Поэтому Мария решила проблему этими вечерами.

– Я видимо все же люблю его, – произнесла Анна, смотря, как персонаж Джулии Ормонд, возвращается из Парижа домой.

– Кого? – не поняв, спросила Мария и посмотрела на дочь. Иногда ей казалось, что со всеми этими переменами в жизни они невероятно отдалились. Теперь вместо нее у Анны была Хезер, что полностью соответствовала всем желаниям княжны. Часто княгиня Мария думала, что просто перестала быть нужной своей дочери. От этого немного кололо в сердце.

– Куроки. Я люблю его. Мне так кажется, – пояснила княжна, не смотря на мать. Ей уже не было стыдно своих чувств, только горько и хотелось, чтобы ее пожалели. Лучше. Лучше бы она влюбилась в какого-нибудь актера. Еще лучше родом из княжества. О, это было бы совсем идеально.

– Что тебя тревожит? – спросила ее мать, погладив по голове. – Как я вижу, чувства взаимны.

– И что с этого? – вздохнула Анна. – Впервые я по – настоящему увлеклась человеком, да еще взаимно. А быть вместе мы с ним не сможем. Какая ирония. Он не отступится от трона. Он же рожден для этого. А я не дура, чтобы упустить свой.

– Но ведь чувство влюбленности само по себе прекрасно. Твое сердце трепещет. Живет.

– А потом умирает мучительно долго, – закончила за нее дочь, натянув на себя плед.

– Ты хочешь все и сразу, – усмехнулась женщина, поцеловав ее в лоб. – Никогда не знаешь, что будет дальше.

– Я знаю, – возмутилась Анна, отодвинувшись от матери и посмотрев на нее своим фирменным укоряющим взглядом. – В следующий раз я добьюсь своего. Он будет моим и я буду счастлива.

Мария с улыбкой покачала головой, решив не обращать внимания на ее юношеский максимализм и нетерпение. Хотя в упертости по достижению цели, с недавних пор, у Анны не было равных. Она зубами вгрызалась в «нелюбовь» жителей княжества, заставляя их менять свое отношение. Выходя из своей комнаты, она становилась доброй и дружелюбной, была внимательна к прислуге, сдружилась со священником из придворной церкви. Всегда останавливалась, если с ней хотели пообщаться жители. Улыбалась, цвела и освещала княжество. Апогеем доброты, по мнению Марии, служил случай, когда маленькая девочка лет шести в торговом центре попросила у нее собаку. Анна, учтиво спросив разрешения родителей, за ручку с девочкой, под пристальным взглядом камер пошла в зоомагазин, где в течение двадцати минут выбирала и консультировалась с продавцами насчет собаки и что ей нужно в первое время.

– А вы тоже любите собак? – спросила малышка, прижимая к себе счастливого щенка терьера.

– Нет, милая, я люблю котов, – под смех фотографов ответила княжна, поглаживая девочку по голове с двумя милыми косичками каштановых волос. Наверное, именно с этого момента стало модным говорить про княжну не только гадости. Помнится, последняя, узнав

о волне любви, вызванной не работой дворца, скакала на кровати, не обращая внимания на снисходительный взгляд Хезер. В тот момент она была действительно счастлива.

Он позволил себе совершать глупости вплоть до момента как Дворец официально представит Сору Ямада его невестой. Эгоистично и жестоко, но до этого момента он и не собирался «вести правильный образ жизни» – негласно ему даже позволили это. Какие-то жалкие последние месяцы чистого безумства в рамках закона. Вот только расписывая свои планы, Куроки постоянно не задумывался о чувствах Сору. Да и Анне было на них глубоко наплевать, хоть где-то в глубине души совесть легко царапала сердце.

– И что это за хмырь на фото? – спросил Куроки, откинувшись на спинку пластикового стула. Был обычный знойный полдень, в котором солнце уже было разогрето до предела, одаривая гостей и жителей своим теплом, заставляя прятаться в тени и у кондиционеров.

Анна отобрала газету и всмотрелась в фото, к ее удивлению, расположенное на первой странице местной прессы. У нее с утра болела голова, так что очередная игра в «уколи меня словами», ей была не интересна.

– Какой именно? – девушка, подняв солнечные очки на голову и закрепив их в волосах, посмотрела на упонца, довольно забавно выглядевшего в своих хлопковых штанах цвета морской волны и белой рубашке. – Если ты о том, что справа, то это, мой милый, бой брат.

В ее голосе явно звучала легкая позволительная усмешка и укор, что он так просто позволил своим чувствам вылезти наружу.

– Я о другом, – Куроки даже не удостоил ее взгляда, продолжая рассматривать окружающий местный колорит, состоящий из поляков и краинцев. Он хотел побыть с ней там, где их никто не узнает и не догадается искать и вот они в Польше. В крохотном городке, почти на границе с Краиной. В самом начале их маленького путешествия, ради которого ему еще дома пришлось найти карту мира, дабы понять, куда же его тянет эта безумная европейка. Но не в этом суть. Главное, что они с княжной ходили на туристов, пусть юноша все же чувствовал, что за ними наблюдает чья-то охрана. Вот только он почему-то не спешил делиться этим ощущением с Анной. Хрупкий маленький мирок, полученный благодаря вранью и самостоятельному устроенному светскому рауту.

– Это Виктор, – Анна посмотрела на принца, как на неразумное дитя. Она просто забыла, что в остальном мире Руже просто не имел политического веса. – Его смело можно назвать другом семьи. Впрочем, он довольно интересный собеседник.

– Так же как и твой... Джаред? – усмехнулся Куроки, взяв бокал с ледяным вишневым соком. – Или я не прав?

– Мне кажется, у кого начались критические дни? – девушка резко отложила газету и посмотрела на собеседника. Она никак не могла понять, что же с ними творится весь день. Может тому виной ее головная боль, что обожала ее преследовать?

Они лишь вчера утром прилетели сюда разными рейсами, заказали один номер с двумя спальнями, оплатив специальной кредиткой Хезер, гуляли всю ночь по ярко освещенному неоновыми лампами городу. Но сегодня утром их словно подменили. Появилась какая-то нервозность. А завтра они улетали в Рим.

– Что-то не так? – Анна протянула руку и коснулась его руки. – Что-то случилось?

Был еще вариант спросить «это из – за твоего «хвоста»?», но она не стала. Зачем рушить это равновесие?

Он непроизвольно вздрогнул от ее немного встревоженного тона – она еще ни разу не была настолько ласковой. В его странных мечтах она всегда язвила и упрекала, и возможно именно это оставляла его на плаву, не давая с головой нырнуть в любовный омут. Куроки глубоко вздохнул, как учат в книгах и на бесполезных тренингах в университете, но не помогло. Его впервые мучила осознанная ревность к этому тридцатилетнему старику. Какое странное

открытие до дрожи в коленях и нетерпения. И как смешно, ведь когда ему будет тридцать, он поймет, что старость это когда твои дети говорят «но в вашем веке все было иначе».

– Прости, – принц легко перегнулся через весь столик и поцеловал ее в губы. Их «хвост» наверное, уже с ума сошел, но большего они себе не позволяли, даже за закрытыми дверями номера в отеле.

Анна кончиками пальцев, почти невесомо, провела по перегородке его носа и как-то по особенному, не поддающемуся описанию улыбнулась, опустив взгляд. Смущенно? Господи, иногда она была настолько невинной!

Куроки минут десять разглядывал ее, словно замороженный, пытался запомнить каждую черточку ее лица, но постоянно останавливался на ее глазах, в которых сейчас играл смех.

Он словно сходил с ума, но это чрезмерно – эмоциональное состояние ему нравилось, придавало сил и идей.

– Мне понравился твой подарок, – Анна подняла свои карие глаза и посмотрела на принца. Эти моменты стали для нее привычными, но все же каждый раз, когда она касалась его руки, ей хотелось рассыпаться на несколько миллионов осколков счастья. Она не могла нормально описать все эти чувства, как бы ей не хотелось поделиться этим с бумагой.

– Я рад, – уголки губ Куроки едва заметно дернулись вверх, но и этого хватило. – Посмотрим перед сном фильм?

Этот невинный со стороны вопрос породил немного иные действия: они расположатся на разобранном гостиничном диване в темноте комнаты, освещенной одним лишь светом экрана телевизора. Ее голова будет покоиться на его плече, а их руки будут сплетены. Он осторожно будет вдыхать запах ее шампуня, от еще не высохших до конца волос и думать, что именно эта романтика достойна экранизации.

Фильм окончится и с некоторым сожалением он поцелует ее в висок, вот только она никуда не уйдет, устало улыбнувшись, удобнее уляжется на этом невообразимом диване и через несколько секунд уснет. А Куроки впервые почувствует себя по – настоящему счастливым, укрывая ее одеялом и осторожно укладываясь рядом, боясь разбудить ее.

Однажды он скажет, что это было самое идеальное свидание во всем мире, вот только посмеет это сказать лишь самому себе.

Она терпеть не могла такие дни: когда встаешь уже с головной болью. Точнее открываешь глаза и понимаешь, что передняя часть лица сосредотачивает в себе какую-то непонятную тяжесть, сдавливая в висках. Иногда такого не было месяцами и забывалась, словно ночной кошмар.

В такие «приступы» Анна была нервной, озлобленной, агрессивной и даже не старалась особо себя контролировать. Конечно же, она принимала прописанные лекарства, но иногда даже их не хватало. Ей легче было переносить эти «приливы» в одиночестве и в полной тишине. Читая книгу, что отвлекала, либо банально лежать в постели и бессмысленно смотреть в одну точку, пока глаза не устанут и сами не закроются, унося ее в царство Морфея. Так и сегодня. Хорошо, что никаких мероприятий не назначено, иначе было бы как в прошлый раз: у нее очередная тупая головная боль, а она в океане бегающих звонких детишек младшего школьного возраста. Ей хотелось расплакаться от боли и безысходности, но приходилось улыбаться и не искренне интересоваться у ребятни их планами на будущее. Нет, княжна любила детей, и если бы боль не была настолько невыносимой, она бы вместе с детьми прыгала и сеялась, подобно юному кузнечнику.

Дверь в спальню тихо отворилась и в комнату с подносом вошла Хезер.

– Вам нужно поесть, – почти шепотом произнесла женщина и положила обед на постель, где лежала Анна. Хезер поменяла воду в графине, что стоял на прикроватной тумбочке, затем

плотнее зашторила бархатные шторы, дабы лишь тусклый свет освещал обиталище княжны, ничем ее не раздражая.

– Спасибо тебе. Я ужасно беспомощна, – произнесла из – под одеяла княжна. – Это отвратительно. И мне даже стыдно, что тебе приходится носить мне еду.

– Я получаю за это деньги, – пожалала плечами Хезер и присела на корточки у кровати княжны, дабы посмотреть на ее измученное лицо с опухшими глазами. – Может еще аспирин?

– Я пила час назад, – вздохнула та, медленно-то открывая, то закрывая глаза. – Врач говорил, что больше нельзя.

– Могу принести мороженого, – предложила Хезер, которой действительно было жалко хозяйку. – Жан как раз вернулся от поставщиков.

Ей правда было ее жаль, в отличие от остальных жителей княжества, она была с ней почти весь день. С 8:00 до 20:00, а иногда и позже, раньше, неделями без выходных, или наоборот с постоянным отдыхом. Ненормированная работа с иногда капризным ребенком. Но Хезер любила эту должность: она была в восторге от своего статуса, денежного довольствия, от того что именно она подготавливает одно из главных лиц княжества. Это воодушевляло и окрыляло, но неизбежно уничтожало ее свободное время. Хорошо, что ее муж тоже работал во дворце – в пункте охраны. Великолепная эталонная семья: Хезер высокая и худощавая, широкоплечий муж и дочка, что спрятана в одной из лучших школ – интернатов княжества. Сам Альберт учился там.

– Ты просто волшебница, – Анна слабо улыбнулась. – Ванильного и шоколадного. Посыпь лесными орехами.

– И кофе на молоке, – кивнула Хезер, и направилась к двери. – Но это после того, как вы съедите обед.

– Хорошо, – беспрекословно согласилась княжна. Уже перестав удивляться тому, как хорошо ее знает Хезер.

20.10.2000

Поздравляю с годовщиной!

P.S. Я все еще в восторге от твоего подарка на двадцатидолетие!

Ты хотел узнать, как я его отметила? Так вот: мне лишь было позволено пригласить своих друзей из Гилева и мы, под присмотром Хезер, отправились в Лас-Вегас. Где... Ооо! Дальше я не буду тебе рассказывать, иначе ты перестанешь меня уважать. Скажу лишь то, что та поездка преподнесла мне неоценимый жизненный урок.

Я, правда, очень надеюсь, что твое замечание 24 прошло ничуть не хуже.

P.S.S. Мой второй так называемый подарок ты сможешь обнаружить в ближайших газетах. Ты был прав. Доволен? Он не мой тип, хоть он и очарователен, талантлив и красив. Нет... Что-то в нем есть, что меня отталкивает. Пока сама не разобралась с этим, но ... Надеюсь. Мы сможем нормально поговорить, если умудримся встретиться на каком-нибудь приеме.

И, конечно же, я надеюсь на нашу встречу в декабре.

A.P.

Ее письма были до невозможности открытыми и счастливыми. Она, обретя свою сказку, со всей своей непосредственностью окуналась в новую главу с головой, пусть и, зная, что всему есть логичный конец.

– Он рассказывал тебе о ней? – Альберт внимательно посмотрел на падчерицу, что в сотый раз с показным безразличием смотрела новости из Упонии, где телевизионщики и газет-

чки чуть ли не с остервенением делали ставки и прогнозы, когда же именно Дворец закует в кандалы брака своего наследника.

– Мы предпочли не говорить о ней, – легко соврала Анна и постаралась улыбнуться. Она, словно затаившийся в кустах хищник, ждала, когда же Куроки сам признается ей о Соре. Княжна всегда чего-то выжидала, и это качество порой оборачивалось против нее. – Мне всего двадцать один и Куроки не единственный мужчина на Земле.

– Интересно кого ты больше пытаешься сейчас убедить меня или себя? – устало усмехнулся Альберт и потянулся за позволенной ему сигарой. – Мой отец всю жизнь любил лишь Стефанию, но водился со многими. Человек не в силах остановиться на ком-то одном, поверь. И все эти истории про вечную любовь лишь к одному и только одному человеку лишь попытки образумить человечество в его страшном непостоянстве.

– Ты вычитал это где-то? – иронично поинтересовалась девушка и взяла в руки первую попавшуюся книгу. Как же не расплакаться при нем. Почему же сердце так колотиться, а рукам холодно?

– Нет, – покачал головой Альберт. – Это однажды сказал мне Виктор.

Князь поймал удивленный взгляд подопечной и продолжил.

– Мой друг не всегда был таким смирным. Во времена его молодости, он покорило столько сердец, что ДиКаприо не снилось. Он влюблял и влюблялся, но больше чем на два года его не хватало, а может быть он просто искал ту, что переплюнет его своим стервозным характером и подарит семью и детей?

– Я сейчас умру от мелодраматичности, – протянула девушка, размышляя о том, что бы ей прочитать из этой огромной библиотеки. Хотя признаться, Анна не ожидала, что Виктор мог быть таким прожигателем жизни: уж больно сильно он напоминал ей американского актера Ноя Уайли, чей образ Джона Картера, доброго и искреннего, перекочевал на ни в чем не повинного уроженца Грениль.

Она видела его таким, каким хотела, создавая полноправную иллюстрацию умного и серьезного человека. Впрочем, на фоне Альберта он таким и являлся.

– С тобой невозможно, – вздохнул притворно князь. Он одним из первых заметил изменения в ней. Уже не было тех честных, добрых глаз с искренним восторгом сейчас они были уставшие и почему-то обиженные. Сейчас. На официальных приемах она носила чудесную выученную маску, но на тех снимках, где она с этим упонским принцем, Анна выглядела реалистично живой, немного похожей на саму себя в кругу Саши и Виктора. Они так часто проводили время вместе... Мужчина тряхнул головой, словно выбивая ненужные мысли из своей головы. Виктор слишком стар для нее. И он имел в виду лишь физическую сторону. Уже не то время и уж точно не то место и ситуация для подобных союзов.

– О чем задумался? – спросила девушка, поставив очередную книгу на место. Она немного успокоилась, сообразив, что легче все пережить – не смотреть новости.

– Я представил тебя женой Руже, – честно ответил Альберт и взглянул на падчерицу в надежде увидеть хоть какую-то реакцию. Эта внезапно пришедшая мысль холодила его разум, но в то же время он не мог сказать категоричного «нет».

Анна заулыбалась так сильно, что глаза стали щелочками и, подавшись чуть вперед произнесла тоном заговорщика:

– Ты смотри, когда мне исполнится двадцать пять я возьму и выйду за него замуж. Если конечно не сумею окрутить очередного актера.

Альберт понимал, что она шутит, но все же в каждой шутке всегда есть доля правды. Князь иногда боялся ее слов – они имели способность становиться реальностью.

– Я боюсь, – мужчина поправил галстук и улыбнулся ей. – Виктор умрет от этой благодати.

– Нет, – покачала головой девушка, всерьез не обращая внимания на эту сумасбродную мысль, – Мы будем жить долго и счастливо, пока мой характер не разлучит нас.

16.12.2000

А должно 24.12.2000

С Рождеством и Новым Годом!

Теперь, как истинная католичка, ты должна отлично отпраздновать Рождество. Надеюсь, мой подарок придется тебе по душе.

Все будет хорошо.

К.

31.12.2000

С Новым годом.

Ничего уже не будет хорошо.

А.Р.

Глава 6

Промозглый ветер умудрялся приносить с леса, расположенного неподалеку, запах хвои напоминая о прошедших праздниках и мешая его с морским бризом.

– Ничего безумнее они не могли придумать, – вздохнула Хезер, обращаясь к камердинеру Саши, и кутаясь плотнее в свое пальто без капюшона, о чем она уже жалела, час, прогуливаясь по холодному первому дню января. Да еще и у кромки воды. В резиденции сейчас наверняка хорошо и тепло, все начинают готовиться к четырехчасовому чаепитию, радуются жизни и праздникам. Впрочем, она сама пошла на эту каторгу, решив показать всем свою значимость и приближенность к княжеским детям. А ведь могла, как княгиня в уюте сидеть на балконе второго этажа деревянно – каменного дома, укутанная в плед и наблюдать издалека.

– На их родине такая погода считается теплой, – сообщил камердинер Саши Луис, мужчина лет пятидесяти с пивным животиком и усами, больше похожий на баварского пивовара, и исполнявший, как и Хезер кучу должностей. Скрывался ли за этой добродушной внешностью диктатор? Нет. Скрывался еще больший добряк, знающий четыре языка, в том числе и роскранский, позволяющий мальчишке и его друзьям совершать безумства локального характера: взрыв в учебной комнате, при выполнении домашней работы по химии, приведенные вечно голодные котята и щенки. А что она? Хезер старалась быть строгой, но справедливой к Анне, как и просил ее князь Альберт, когда пригласил к себе, через неделю после того, как сделал предложение княгине Марии. Она была обычной старшей горничной, просто с суровым лицом. Так забавно выразился князь. На фоне Луиса Хезер явно проигрывала: зная немного лишь английский и, как она подозревала, пару нецензурных выражений по – роскрански, а так же имея диплом бакалавра по литературе. Зато она умела контролировать и направлять в нужное русло энергию своей подопечной – именно этого и требовали от нее. Точные знания об этикете и прочей политической чепухе пришли позже, после нескольких книг, опыта работы во дворце, консультаций у того же Луиса, да и без собственного шестого чувства не обошлось.

У ее работы было множество плюсов, и она не жаловалась. Зарплата, бесплатные перелеты по всему миром, статус и множество нужных знакомств, благодаря тому, что она тенью следовала повсюду за своей воспитанницей, учтиво «подбирая» за Анной карточки, визитки и «приветы». Княжне они были не нужны, а вот Хезер такого подхода не сторонилась.

Женщина посмотрела на наследников престола, что бегали друг за другом. Смеясь, плеская друг друга прохладной водой. Желала ли она такой участи своей дочери? Не иметь возможности учиться на кого хочешь, носить странные вещи, самовыражаться, выпивать с друзьями по пятницам в баре, жить без возможности оступиться. Ходить с криво накрашенными губами, участвовать в митингах, голосовать. Выходить замуж, не оглядываясь на общественное мнение, не следовать традициям и правилам.

– Твоя Хезер не спускает с нас глаз, – Саша почерпнул воду руками и бросил в сторону сестры. Между собой они разговаривали по – роскрански, особенно если разговор не касался окружающих. При Луисе они использовали остатки своего словарного запаса белкранских слов. Никто их не понимал и это было восхитительно, словно они шпионы, прямо в центре государство, бродят себе никем не замеченные. Забавно: в царской Роскране аристократы выделялись разговаривая по – французски, но вот прошло время и все переменялось.

Вы были когда-нибудь за границей, там где никто не понимает вашего языка? Где вы можете свободно, сидя напротив человека в метро, открыто обсуждать его идиотскую шляпу, осознавая, что он не поймет о чем речь, если конечно вы не кивнете на него во время разговора.

– Это ее работа. Следить за мной, – пожал плечами, ответила Анна, мимолетно глянув в сторону слуг.

– Чтобы я не утопил тебя, дабы завладеть тронем? – смеясь, спросил Саша, откидывая назад челку своих светлых волос. Какими же они были разными: светловолосый, легкий и высокий Александр, почему-то дивно похожий на Стефанию Полиньяк, мать Альберта. И его старшая сестра немного грузная, или плотная, как говорил придворный портной, со светло – каштановыми волосами, ровно подстриженными по лопатки, как и полагается приличным девушкам высшего общества, что еще не вышли замуж.

– А ты хочешь трон? – серьезно спросила сестра, отряхивая свои джины от мокрого песка.

– Нет уж, спасибо, отмахнулся Саша, помогая ей очистить одежду на спине. – Чтобы меня упрятали под замок, постоянно поучали и заставляли зубрить столько глупой чепухи?

–то есть мне не ожидать повторения «Короля Льва»?

– Нет, – засмеялся ее брат и побежал в сторону Луиса, крича во все горло, – Can you feel this love..

Анна согнулась пополам от смеха, совершенно не обращая внимания на то, как ужасно выглядит ее лицо – со щелочками вместо глаз. Она часто боялась, что совершенно отдалиться от своего брата, ведь даже живя в Гилеве, они не были особо близки – разница в возрасте и пол давали о себе знать. Но сейчас этот страх немного отошел. Она начала понимать, что Саша как минимум не завидует ее положению, а значит еще на один пункт в шкале «отдаления» меньше.

Впервые в жизни ему хотелось напиться, одурманить свой разум и уйти от реальности. Он не хотел. Он упустил время. Заигрался. Все было неправильно. До истерики внутри, а на публике он со спокойной вежливой улыбкой принимал поздравления в честь помолвки, держал Сору под руку и терялся в своем внутреннем мире. А еще Куроки впервые испугался того, что подумает Анна. Но быстро сам себя успокоил: она точно знала о Соре заранее, она ж не слепая, они не клялись друг другу в любви, все было простым легким флиртом. Вот только почему же ему так тоскливо и хочется сжать до боли свое сердце руками. Ему хотелось ненавидеть всех подряд, ведь злость придает больше сил, нежели отчаянье, но никто не был виноват кроме его самого. И была жертва – Сора, что искренне его любила.

– Смотри, пришла новая почта, – девушка присела рядом и расположила поднос с письмами у них на коленях. – О, это из Великобритании...

Ямада изо всех сил старалась не обращать внимания на его сегодняшнюю отдаленность. Как же ей хотелось его ударить, привести в чувства, получить в ответ хотя бы какую-то реакцию. Ей было больно от недомолвок.

– А это, – внезапно она замолчала, Куроки медленно повернул свою склоненную голову и посмотрел на раскрытый конверт, уже проверенный почтовой службой Дворца.

– Патрик Пруст, – с льдинкой в голосе продолжила Сора, – от имени его Святейшества Альберта, князя Греспиль, и его семьи поздравляю...

Внезапно он понял, что значит в книгах «упало сердце и похолодело на душе»: она теперь точно знает. Он не успел первым рассказать ей. Упустил момент. И этого хватило для того чтобы он резко вскочил с дивана и направился в себе в спальню, где на прикроватном столике лежало маленькое запечатанное письмо, благо она воспользовалась дипломатической почтой.

16.01.2001

Я ненавижу тебя за то, что ты струсил и не сказал мне об этом лично!

Это возмутительно (тут была зачеркнута пара нелитературных слов), что я мнила себя как минимум твоим другом и вот что получила. Это...

Я даже не могу это охарактеризовать.

Мне просто обидно и.. (несколько раз зачеркнутое и почти зарисованное слово, что невозможно было прочесть)

А.Р.

Ему было всего двадцать четыре года, а он уже успел натворить бед. Как же иногда хотелось вернуться в прошлое и... И что? Единственный выход из сложившейся ситуации был прост – не подходить на том приеме к Анне. Не знать ее. Никогда не обнимать за талию и забавно ощущать, как она втягивает живот. Как старается прикрывать рот, когда смеется, как любит проводить кончиками пальцев по переносице его носа, едва дотрагиваясь и чуть дрожа. Молча идти рядом с ней, ощущая присутствие. Нет, он просто не способен отказаться от всего этого – слишком многое она значила для него спустя какой-то год.

Утренние лучи солнца настойчиво пробивались сквозь занавешенные тяжелые шторы его комнаты. Куроки любил ночное время суток и полумрак дворцовых закоулков, где можно спрятаться и побыть наедине с собой. Но почти через год он будет лишен и этого благодаря настойчивой мягкости Соры. Юноша подошел к прикроватной тумбочке, открыл ключом верхний ящик. Пару лет назад он собственноручно собрал этот замок, что несколько озадачило его отца. Но даже эта глупость в прошлом – получить внимание отца. Куроки как-то по – особенно улыбнулся и достал конверт из коричневой бумаги, из которого вытащил несколько фотографий.

А ведь до прошлого года он не был столь романтичным и сентиментальным. Что с людьми делает первая влюбленность?

Анна любила фотографировать их вместе, словно консервируя воспоминания: отведенная ее левая рука, приближенные смешные их лица и почти никакого заднего фона, но именно эти фотографии будут самыми чистыми и искренними.

У него в руках осталась последняя фотография, кто ее сделал он не знал. На ней была изображена Анна, сидящая чуть в профиль на деревянной скамье у одного из аббатства Греспиль. Смотрела куда-то вдаль, совершенно не замечая окружающих, смытых движением людей. Ее каштановые волосы распущены и освещены разноцветным светом, отскакивающим от витражей здания. Сейчас он бы руку отдал лишь бы сесть рядом с ней и посмотреть прямо в глаза.

– С тобой все хорошо? – Сора словно приведение вошла в спальню и остановилась, облокотившись о столбик его кровати с темным балдахинном, служившим завесой от всего мира.

– Я переживу, – усмехнувшись, ответил принц и убрал фото обратно в запирающийся ящик, даже не думая скрывать свои движения. Когда эта девушка рядом с ним, станет его женой и окончательно переедет во дворец – именно он будет спать с этой стороны кровати, иногда задумчиво касаясь кончиками пальцев этой тумбочки из темного полированного дерева. И Сора ничего не сможет с этим поделать.

Они сидели на ковре друг напротив друга и смотрели уже со злобой.

– Anticonstitutionnellement, – с остервенением произнесла Анна, но Альберт покачал головой. Они бились над этим словом битый час, в надежде, что она произнесет его без запинки и акцента.

– Anticonstitutionnellement, – вздохнул Альберт, совершенно не понимая, что может быть сложного, ведь она так хорошо со всем справлялась. Мужчина посмотрел на дочь, что обиженно всматривалась в учебник перед собой. Черт, как он не понял, что она все еще переживает из – за этого несчастного упонца? Первая любовь самая яркая, болезненно колющая юное, еще не окрепшее сердце. Ей бы отпустить его, увлечься новым кавалером и тогда все намного легче и быстрее проходит. Или возненавидеть – от этого было бы проще избавиться от надежды на совместное будущее. Ненависть сильное чувство, сопровождающееся болью, что не дает простить.

– Иногда мне кажется, что это никогда не закончится, – гробовым голосом произнесла княжна, раздосадованная своей неудачей. Все валилось из рук, и она не могла сконцентрироваться, постоянно мысленно возвращаясь в тот день, когда она благодаря новостям, не Куроки, черт его подери, узнала о его помолвке. Княжна стояла пораженная и не могла отвести взгляд от смущенной и счастливой Соры, представляя на ее месте себя. Она бы не была такой зажатой и скромной, она бы делилась своим счастьем со всем миром. Анна перевела взгляд на семью, что настороженно следила за ее поведением. Еще бы, в Греспиль, за неимением других новостей, будущая свадьба этого ужасного мерзкого принца стала событием месяца, так что Анна задумалась насколько грандиозно СМИ будут реагировать, когда она решит связать свою судьбу. У нее был шанс научиться на примере Куроки, у нее было время сделать все как подобает, и показать своим будущим подданным сказку, в которой все, до тошноты, будет правильно и ванильно – сахарно.

Она найдет того человека, что не будет ее разочаровывать своим страхом сказать правду в лицо, насколько бы она ни была ужасной. И обязательно расскажет ему о Куроки, о тех актерах, с которыми она пыталась встречаться, об одиночестве и страхе, что останется совсем одна. Без любви. Нет, не правильно. Без взаимной любви.

– Учеба никогда не кончится, – прервал ее мысли Альберт и слабо улыбнулся. – Таков твой удел. Постоянно узнавать что-то новое. Сейчас это сложно, но в будущем обучение будет подобно воздуху. Может быть, однажды ты проснешься посреди ночи и решишь до конца выучить уголовный кодекс.

– И часто с тобой такое бывает? – смеясь, спросила княжна, задумавшись над тем, что через двадцать лет она должна будет наставлять своего ребенка, заучивать с ним Конституцию, помогать понять, зачем все это нужно. Она будет Альбертом. Двадцать лет. Какими вы себя представляете через двадцать лет?

23.02.2001

Здравствуй.

Мне искренне жаль твою бабушку Митико. Это просто уму непостижимо. Ведь еще неделю назад она прилетала в Париж на выставку Ван Гога. Я перекидывалась с ней пару слов. Такая величественная и грациозная.

Мои соболезнования, Куроки.

И как у нас говорят:

Пусть земля ей будет пухом.

Я всегда с тобой. И прости, что была резка.

Мне без тебя...

A.P.

Сора молча, передала ему раскрытое письмо: она, конечно, поняла общий смысл, но все же искоса наблюдала за реакцией жениха. Тот же лишь пробежал глазами по строчкам, написанными обычной черной гелиевой ручкой и произнес неестественно сухим голосом:

– Нужно написать благодарственную.

Это значит, что ответить своей незнакомой лично сопернице должна она сама. Сколько же у нее мыслей крутилось в голове, резких ответов, насмешек, двусмысленных фраз. Но собравшись, Сора лишь написала стандартный текст.

29.02.2001

Наследный принц Куроки и его невеста Сора Ямада благодарят вас за оказанное внимание и сочувствие.

Она давно догадывалась о той другой и мучилась не от того, что она где-то есть, а от того, что не знает даже как она выглядит. Но Сора Ямала умела выжидать и получила имя, причем от первоисточника, что, так и не заметив, упомянул его. Она была... симпатичной. Титулованной и наверняка интересной. Иначе бы он не влюбился в нее. И Сору это бесило больше всего – не знать своего врага лично. Отрывки, фразы, газеты и теленовости со сплетнями не могут открыть полную картину. Узнать человека можно лишь лично. Ей было достаточно лишь слова. Посмотреть ей в глаза, почувствовать исходящие от нее волны. Вдруг она на самом деле потрясающий человек? Вдруг. Поговорить с ней. Найти слабости, те черты, что не нравятся Куроки и излечить себя от них. Стать идеалом на фоне той княжны. Ведь как ни грустно, но он совершенно не ценит человека, что заботиться о нем и любит, не смотря ни на что.

Анна смотрела в окно на зеленеющую рощу деревьев, расположившуюся вокруг их главного дворца. Ей впервые за последнее время захотелось просто улыбаться. То пришедшее из Упонию письмо, словно вернуло ей крылья. Оно будто освободило ее. Ей всего двадцать один и она должна влюбляться, кружить головы юношам, а не сидеть в библиотеке за книгами по истории. Хотя может оно и лучше? Временами она писала рассказы. Чаще всего на скучных парах в университете, делая вид, что записывает лекции. И вот ее новое произведение наконец-то будет завершено и не уложено «в стол» как многие другие до него. Анне хотелось оживить свои старые наброски, сделанные еще в Гилеве. Вот он толчок – она снова одна. Ее голова постепенно очищается от этих постоянных мыслей о Куроки, учится жить без них. И как-то странно, но появилось больше времени.

Девушка отошла от окна к своему письменному столу, стоявшему сейчас посреди спальни и явно нарушавшему все законы дизайна. Сколько прошло времени, а она так и не смогла написать ни одной нормальной романтической истории. Ее герои были слишком пресны, нелогичны и похожи на нее – ни один адекватный человек не захочет тратить время на чтение сей бессмыслицы. Но больше всего убивало Анну осознание того, что она действительно ничего не значит в этой жизни, ничего не достигла. Княгиней она станет благодаря матери и Альберту. Женой и матерью станет благодаря приличиям. Оставалось лишь писать и надеяться, что хоть кого-то ее записульки не заставят написать ей гневный отзыв. Эх, жаль природа не наделила ее талантом петь – хотя бы скрашивала вечера гостям. Но впрочем, Хезер, зная об ее увлечении, верила в нее и подбадривала.

Анна резко открыла папку с исписанными листами: вот – вот ее недоперсонажи должны улизнуть в свой мир бесконечной любви. Они-то смогут, а она? Как она может нормально описать то, что не чувствовала. Какая-то неискренность и ложь. Как же становятся хорошими писателями? Дар? Искра свыше? Или все же терпение, которым она наделена?

– Там Виктор приехал, – в комнату заглянула княгиня Мария, что как всегда выглядела, словно на фото для обложки журнала. – Спустишься к нам?

– Он так часто бывает у нас, что временами мне кажется, что он либо хочет увести тебя, либо подкатывает ко мне, – она не хотела дерзить матери, но именно эти слова довольно нахальным тоном сорвались с ее губ.

– Мне кажется он не достоин такого несчастья, как ты, – Мария, склонив голову в бок, посмотрела на свою внезапно повзрослевшую и ставшую немного нервной дочь. – Если ты думаешь, что этот упонский принц единственная твоя любовь. То это полная чушь. Да, первая влюбленность это всегда потрясающий фейерверк. Слова «навсегда» и «только ты». Это остается навсегда с тобой. Но проходит время. Много или мало и ты внезапно встречаешься глазами с человеком, которого будешь уважать. Он станет для тебя центром тишины. Умиротворения. Ты выйдешь за него замуж. Родишь ребенка и будешь его любить так сильно, что

будешь со снисходительной улыбкой вспоминать об этих страданиях, что живут с тобой сейчас. Так говорила моя мама.

– Бабуля всегда была права, – чуть улыбнувшись, произнесла девушка, понимая, что сглупила и сорвалась. – Сейчас я крашусь и спущусь.

Темно – бордовый высокий ворс ковров, что лежали на всем пути ее в гостиную, заглушал ее шаги, словно давая ей шанс не встретить никого. Что же она будет делать? Перестанет думать о Куроки? Это было понятно и ясно с того самого момента, когда она узнала об обручении. Она будет ему писать максимум одно письмо в месяц, не звонить и не искать новостей. Меньше информации о нем. Нужно начать веселиться, вдохнуть воздух поглубже в легкие, ощутить легкость и новую жизнь.

– О, вы тоже довольно симпатичны, – сказала она вслух своему невидимому собеседнику и улыбнулась, начав уже тренироваться очаровывать мужчин.

– Польщен, – позади раздался немного насмешливый тон. Анна резко развернулась и увидела Виктора. Он точно не работал на разведку?

– Нехорошо подкрадываться к девушкам сзади, – она старалась не покраснеть, представляя как она оконфузилась перед гостем. Надо же, а он еще и усмехается, глядя на нее сверху вниз. Какой же она душой временами предстает перед ним.

Виктор, молча, открыл перед ней дверь, стараясь не рассмеяться, глядя на ее чуть покрасневшие щеки и насупленное выражение лица. Анна, чуть присев в реверанс, зашла в гостиную с приподнятой головой, но все же косясь на мужчину. Она почему-то вспомнила все свои шуточки насчет намеренья выйти за него замуж: они же так просто не могли родиться в ее безумной голове? Он был статен, определено, красив и обаятелен, умеючи смешил ее, но возраст был иногда таким минусом. Интересно, а она ему нравится?

Глава 7

5.05.2001

«День Детей»

Я просто вспомнила, как в прошлом году мы гуляли по той улочке, что привела нас к огромному костелу. Иногда я замечаю, что воспоминания покрываются как-то теплой пленкой: в них все настолько радужно, спокойно и счастливо, что даже не верится. У тебя такое было?

А.Р.

Она все не могла понять какой идиот придумал организовывать этот форум, посвященный правам женщин, в этом душном, стоящем в вечных пробках городе с многомиллионным населением. Да, она терпеть не могла Пекин всей своей душой. Лишь ночью, выходя на балкон своего номера княжна с наслаждением вдыхала прохладный воздух, рассматривая небоскребы вокруг. Ночной Пекин был красивой сестрой.

Сегодня княжна познакомилась с принцессой Сакурой и до сих пор была в легком оцепенении от столь радикальной разницы между братом и сестрой. Внешней они были очень похожи: худощавые, о эти гадкие вечно стройные азиаты, темные как смоль волосы, заплетенные в хитрую прическу и ангельское круглое личико. Пока... Пока она не открыла рот и не начала сообщать миру все, что она думает о притеснениях женщин. Сакура своим поведением вдребезги разбивала все мифы, устои и традиции, рассказывающие о том, как должна вести себя венценосная особа. Этот маленький ураган не стыдясь говорил правду, и Анна была удивлена, как такие довольно строгие и консервативные родители Куроки выпускают ее в свет. Быть может это такая гениальная стратегия? На фоне своей взбалмошной сестры принц казался образцовым наследником.

– Ходят слухи о довольно специфичных личных предпочтениях принцессы, – прошептала стоящая рядом Хезер, когда они вместе с остальными членами форума, выслушивали пламенную, полную эмоций речь Сакуры.

– Мы не церковь, что бы судить ее, – отшутилась Анна. – Я бы с удовольствием с ней познакомилась.

– Стоит ли? – чуть ли не обреченно вздохнула Хезер, заботясь о репутации княжны. – Ее благочестивый брат это одно, а его сестра...

– Бисексуалка, совершенно другое, – небрежно закончила Анна и улыбнулась. Она поправила платье и втянула живот. Ну, почему она согласилась на это обтягивающее платье? Почему настолько ленива, что не может заняться своим телом? Эти вопросы помогли ей дождаться завершения довольно острого доклада упонской принцессы, с которой она не была согласна по многим пунктам, и от этого ей еще больше хотелось, познакомится ближе. Потомок древнего рода пытается рушить устои, как пройти мимо такого?

– Княжна, – Сакура первой подавала руку и широко улыбнулась, ведя себя совершенно не прилично для упонского общества. – Я очень рада нашей встречи. Мой брат после встречи с вами стал просто «золотом».

– Вы надеетесь, что я совершу такое же чудо и во второй раз? – парировала Анна, предлагая расположиться в одном из закоулков зала за чашкой чая.

– А жаль, мои родители были бы очень благодарны, – усмехнулась Сакура, рассматривая собеседницу. Ей было семнадцать и до дрожи хотелось узнать, станет ли она в двадцать один такой же скучной и рассудительной. И что вообще понравилось ее брату в этой европейке? Ни лица, ни фигуры. Она была обычная, милая. Что же? Что такое неведомое и неосознаваемое притягивает нас к другим? Соединяет судьбы невидимыми и неосязаемыми нитями.

– Мне кажется, вся эта ваша бравада лишь для того чтобы привлечь внимание родителей. Они же по большей части сосредоточены на Куроки, да? И так с самого рождения, – улыбаясь и довольно жестко произнесла княжна, даже не думавшая щадить чувства этой юной птички, что так хочет выбраться из клетки.

– Мне кажется, я поняла, почему мой брат дружит с тобой, – медленно произнесла Сакура, отбросив назад хвост своих черных волос. Ей говорили, что не стоит судить человека по внешнему виду. И вот она получила доказательство.

Анну же резануло слово «дружит». Почему-то стало обидно и даже сейчас спустя пару часов после их довольно продолжительной встречи с принцессой, она прокручивала в голове эту фразу. Это не отпускало ее, давя и нашептывая ужасно глупые импульсивные идеи вроде «найди себе парня, выйди первой замуж, покажи ему что ты счастливее». Глупость и безрассудство хотели действовать, но разум, что уже давно говорил голосом Хезер, не давал ей спуститься вниз в бар и клеить остановившихся там посетителей.

– Пора спать, – на балкон зашла Хезер, кутавшаяся в шаль, подаренную княжной на Рождество.

– Хорошая идея, – покорно согласилась Анна и последовала за ней. А позже еще полчаса ворочалась в постели, в надежде уснуть и провести эту ночь без дуратских сновидений.

30.06.2001

«Светлости милость»

В этом году мы с Сорой посетим Англию и прием у Уильяма. Просто хотел сказать.

К.

16.08.2001

В сентябре я поеду в Нью – Йорк на всемирную выставку. Говорят, там будет Сакура. Надеюсь. Она мне нравится – для меня сейчас так редко: найти человека, что говорит правду в лицо и не страшится этого.

А.Р.

Виктор все же решился сопровождать Анну в эту поездку, пусть это и стоило ему разборок с очередной пассией – моделью, что была крайне недовольна его последними выходками. А он просто увлекся новой актрисой – старлеткой и ничего серьезного, просто выпили, потанцевали, но Мэршал просто изводилась от ненависти и ревности. Он был ужасным и признавал это.

Снова вспышка фотообъектива, а они еще даже не покинули здание аэропорта.

– Как я вижу, вы не слишком привыкли к столь массовой фотосессии, – усмехнулась княжна, одетая в черное легкое пальто и широкополосную шляпу. Ее глаза были защищены солнечными очками в толстой темно – серой оправе. Уж лучше бы она согласилась на телохранителя, а не готовилась к столь жаркому приему журналистов. Хотя наверняка именно из – за них Анна и больше любила Британию и прочую Европу, где никто не смел настолько нахально вести себя с членами высшего общества, что не успели замарать свою репутацию.

– О, я больше люблю пресс – конференции, – бодро заявил Виктор и сильнее сжал руку княжны, уж очень он не хотел потерять ее из виду и плевал на то, что могут придумать эти писаки. Руже должен был следить за ней – он обещал Альберту, что в последнее время стал немного тревожным и нервным. Интересно, она знает, что вместе с ними прилетели два агента в штатском?

– Я учту, – повысив голос, произнесла девушка и, поправив шляпку свободной рукой, улыбнулась очередному фотографу. Благо она додумалась заранее нанять носильщиков.

– Сегодня десятое? – спросил Виктор, когда они уже сели в присланную посольством машину.

– Да, – ответила княжна и заглянула в свой ежедневник, чтобы проверить ближайшие праздники и дни рождения.

Следующий раз он будет почти истеричным тоном задавать ей лишь один вопрос «С тобой все хорошо?», спустя годы проигрывающийся словно сломанная пластинка.

Прокатиться на метро была большая идея Анны: она хотела проверить так ли все это, как и в фильмах, но, увы, там ехали довольно хорошо одетые люди и на радость агентов, тенью следовавших за ними, не было всякой шпаны.

Виктор исподтишка наблюдал за княжной, что, почти не отрываясь, разглядывала окружающих людей, словно запоминая.

Они уже подъехали станции, и поезд покачнулся от неведомого толчка, свет на секунду погас и мужчина уловил на лице своей подопечной какую-то рождающуюся идею. Он уже хотел спросить у нее насчет дальнейших планов или объяснить, что это обычный случай, как она, опередив его, улыбнулась и, дотронувшись до плеча произнесла:

– Давай зайдем в какое-нибудь кафе. Я настаиваю.

«Отлично, она снова включила решим хаотичности», – подумал один из агентов, убирая газету в кожаный портфель. Его напарник лишь улыбнулся.

Данное заведение находилось всего в двух кварталах от деловых центров: маленький зал с очаровательным стилем Техаса.

– Куроки говорил, что здесь самый лучше кофе во всем Нью – Йорке, – произнесла она почти без заминки, совершенно позабыв с кем и где находится. – Это мой знакомый из Упони.

– Да что же это такое? – возмутился хозяин кафе, когда со вторым толчком посуда на кухне опасно заходила ходуном.

– Может в метро работы? – предположил кто-то из официантов, подавая Виктору и Анне меню.

– Ты знаешь, что мы отстаем от графика на целых полчаса, – Руже сосредоточенно рассматривал названия блюд.

– Я еще утром позвонила и перенесла встречу на три часа дня. Затем в девять нас ждут на приеме по случаю открытия выставки, – горделиво подняв подбородок, произнесла княжна, не увидев усмешки одно из агентов. – Я хорошо вела себя последние месяцы, поэтому могу хоть немного расслабиться.

– Нас? – картинно возмутился мужчина и посмотрел на нее своим привычным лисьим взглядом.

– Да, нас, – пожала плечами девушка. – Вы сами ... Что-то случилось.

Последнюю фразу она произнесла на английском и, нахмурив лоб, молча, вышла из – за стола и направилась к стеклянной двери кафе, за которой уже стояло множество людей с высокоподнятыми головами. На их лицах читался естественный страх и полное непонимание происходящего, и лишь выйдя на улицу и посмотрев в ту же сторону, Анна поняла что произошло.

Она, молча прошла вправо на середину дороги, что застыла в пробке и неотрывно смотрела вперед, туда, где виднелись два огромных небоскреба.

Телефон в ее кармане неожиданно запиликал.

11.09.2001 К.

ТЫ ГДЕ?

Анна, наконец, оторвав взгляд от серого дыма, что вился у зданий торгового центра быстро набрала:

МЫ С ВИКТОРОМ ЖИВЫ.

Дрожащими руками она отправила это же сообщение и Альберту, и маме, и Хезер с Сашей. Совершенно бессознательно пялясь в экран телефона в ожидании отклика, девушка и не заметила, как первый клочок белого пепла упал ей на плечо. Княжна, сунув телефон обратно в карман, растерянным взглядом смотрела на то, как улицу осыпает серо – белый пепел.

– С тобой все хорошо? – к ней подскочил Виктор и обнял. Он чуть наклонился, дабы увидеть ее лицо, на котором застыло выражения слепого отрицания в происходящее. Мужчина, не дождавшись ответа, стряхнул в ее каштановых волос пепел и инстинктивно поцеловал в макушку, ища взглядом агентов. Его сердце бешено колотилось от страха, от того, что он мог сегодня уже не увидеть вечерние сумерки, потерять это юное создание, и ведь он еще не понимал, что ее маленькая глупая прихоть спасла ему и людям из посольства жизни. Судьба? Предвиденье?

– Я написала всем, что мы живы, – бесчувственным голосом произнесла Анна, уткнувшись носом в пиджак Виктора.

– Умница, – прошептал мужчина, чувствуя как подкашиваются ноги, но адреналин все еще дает силы. Ему хотелось успокоить свое бешено бьющееся от страха сердце, что не давало слышать биение ее сердца.

– Нам нужно уйти. Мы будем мешать спасателям.

16.09.2001

Я впервые в жизни так сильно испугался. Мое сердце бешено колотилось и я не мог нормально двигаться. Не мог дозвониться до тебя, а руки так дрожали, что еле набрал смс.

Это были самые ужасные десять минут моей жизни.

Ожидание. Именно оно мучительнее всего. Мы было не важно, что там с Виктором, нашим посольством или еще с кем-то, что погибают обычные люди. Я хотел лишь знать, что ты жива.

С Сакурой все в порядке – в этот момент она опустошала кредитку в одном из магазинов Шанель. Мама просто плакала, когда нам пришел звонок о снятии довольно внушительной суммы со счета.

Я счастлив, что с тобой все хорошо.

К.

Аэропорт был пуст и закрыт уже пятые сутки, лишь самолеты иностранных компаний использовали его для дозаправки. Террористическая угроза как никогда витала в воздухе давя на всех своим страхом и ожиданием боли.

Самолет, который ожидал князь Грепиль, летел из Финикса с дозаправкой в Стокгольме всего с шестью пассажирами на борту. Альберту впервые было наплевать, сколько этот перелет будет стоить и как посмотрит на это общественность – его наследница должна быть дома, особенно в такое темное время. Все эти дни они не могли спокойно смотреть новости, постоянно прокручивая в голове те ужасные часы, пока они не знали, что их девочка жива и каким-то чудом не попала в пункт назначения. Никто не мог дозвониться, отправить сообщение, выйти на связь с агентами – в этой тихой панике страшно холодели руки и в голове рождались самые трагичные варианты событий.

Сообщение пришло на телефон Хезер, спустя два часа после трагедии: женщина влетела в кабинет князя, забыв обо всех приличиях, неся перед собой на вытянутой руке телефон с открытым сообщением. Мария, что сидела в кресле у книжного шкафа, поджала колени к груди и тихо заплакала. Саша отвернулся от всех, дабы скрыть свои слезы из – за накопленных переживаний. Какая странная секунда и всем стало намного легче.

– Спасибо, – глухим голосом произнес Альберт, возвращая телефон прислуге. – Спасибо.

Он встал из – за стола и, подойдя в жене, опустился на колени и положил голову на ручку кресла.

– Ну, что ты, все хорошо, – шептал он, поглаживая жену по ноге. – Хезер, я думаю, нам всем стоит наконец-то поесть.

– Да, как скажите, – кивнула та и уже подойдя к двери остановилась. – Ваше Святейшество, нужно передать эту информацию в СМИ.

– Хорошо, – кивнул князь и посмотрел на выключенный телевизор. – Нужно убрать эту ужасную желтую строку.

Пятый день мир находился в трауре, сражаясь с неизвестным до этого момента страхом мирового масштаба. Пятый день жители Греспублики видели поднятую по тревоге армию и полицейских, но не видели свою княжну. Пятый день «нового времени».

Вдалеке слышались голоса и звуки быстрых шагов. Альберт присмотрелся, на долю секунды подумав, что не стоило ему ехать одному с охраной, нужно было взять всю семью, дабы хоть как-то заполнить эту пугающую пустоту зала. Идущая к нему делегация расступилась и теперь впереди шел Виктор, держа Анну за руку. Эти двое были одеты строго, в темные тона, с профессионально скорбящим выражением лиц. Они оба молчали, что было очень странно – Альберт постоянно видел их общающимися, смеющимися, воодушевленными. Неужели эта скорбь на лице настоящая?

– Альберт, – подойдя к нему, Анна бросилась в объятия, не скрывая своей радости встречи.

– Я так рад, что вы наконец-то вернулись, – сказал князь, обнимая ее и уложив подбородок поверх ее головы. Он вдохнул запах ее постоянно вымытых волос и попытался осознать, что все кончено. Мужчина выпустил дочь из объятий и приобнял друга. – Как ты?

– Терпеть не могу Финикс, – ответил Виктор, снова взяв за руку княжну и направляясь в сторону выхода, где их уже ожидали местные журналисты. – Там чертовски жарко, а купальники как назло мы не взяли.

Его спутница лишь закатила глаза, благодарная тому, что наконец-то дома в безопасности и с семьей. Ей до сих пор мерещился этот белый пепел, покрывавший кварталы у Всемирного торгового центра. Пепел, больше похожий на снег. Она, наверное, теперь не сможет спокойно смотреть на белоснежные подарки зимы.

– Не будет никаких официальных заявлений, – сказал Альберт, когда они уже сели в бронированный автомобиль, предназначенный для перевозки князя. Остальные члены семьи так не шикавали.

– Нужно положить цветы к консульству США, – небрежно произнес Виктор, разглядывая вид за окном. – Это будет отличная пиар – акция, да и американцам подсластим.

Анна удивленно посмотрела на него, совершенно не ожидая от такого принципиального человека, столь расчетливого хода. И ведь идея была отличной. Как она сама до такого не додумалась, будучи еще в Америке? Ее настолько поразила трагедия, что она позабыла о собственных интересах? Тем более раз она произошла в другой стране. Анна посмотрела на князя, осознал ли он, что был прав насчет этих мусульман? Злорадствовал ли, над всеми теми, кто критиковал его за жестокость? Обсуждал ли это со своим любимым священником?

– Хорошая идея, – в голосе князя звучало явное одобрение, он посмотрел на Виктора, сидящего напротив Анны. Сколько лет они дружат, а так и не узнали друг друга до конца. Человеческая душа неизведанный океан.

Он уже не заламывал руки от безысходности. Он верил в безграничную дружбу двух монархов, которую потом так славно опишут в исторических трактатах. Так и должно быть. Так правильно.

Куроки подошел и нежно поцеловал свою невесту в щеку – она на этой недели была просто идеальной: помогла выбрать официальный подарок для княжны Грепиль, выступить с речью на встрече родного университета и с уверенной улыбкой объявить по телевидению, что их свадьба намечена на март, и она очень волнуется перед этим событием.

Куроки был крайне доволен ее поведением. Все было довольно неплохо, а самое главное его родители и общественность были просто в диком восхищении.

1.11.2001

Спасибо тебе за подарок. Я была очень счастлива, получить его, надеюсь, мой тебя тоже не разочарует.

Вот и стали мы на год старше, а ума как я поняла, не прибавилось. Очередной роман с кинозвездой не принес мне счастья. Видно я не найду своего «Стефанию», что станет для меня идеальным спутником, как она была для своего мужа. Вот мне в очередной раз и грустно.

Но самое главное, что я больше не злюсь на тебя. Мы все пленники своих судеб и монархии. Я собственноручно выбрала этот путь, а ты родился нести это знамя и ничего не изменить.

Мы должны дальше идти по жизни с высокоподнятой головой. Я люблю тебя, поверь, но с каждым новым годом мы будем взрослеть, и это ветреное чувство будет перерастать в нежность более присущей дружбе. И это замечательно. А пока...

Мне кажется Сора одна из самых красивых девушек Упониш. Мне бы ее фигуру и я бы тот час охмурила Уильяма. Ох, Уильям, любовь моя.

Не будь с ней строг. Отдай полностью ей свое сердце.

У нас было время, что пронеслось словно вихрь, но я не жалею. Высокопарно. Но надеюсь, ты тоже. И грядет новое время. Нет, эпоха. Эпоха императора Куроки и его верной и любящей императрицы Соры.

Иногда мне кажется, что я люблю тебя настолько сильно, что способна приехать и украсть тебя. Смешно. Безумно. Почему я это пишу. Почему пишу и не стыжусь? Почему так уверена, что не надумала себе это?

Думай о Соре, когда тебе хорошо. Думай о ней, когда тебе смешно и радостно. Думай о ней.

Люблю тебя.

А.Р.

8.11.2001

Не смей мне такое писать! Надумала она!

К.

Глава 8

Есть дни, что пробегают, словно тень перед глазами, такие неощутимые и неуловимые. Нет мыслей, расстройств и чувств – есть лишь константа, за которую ты по привычке, выработанной годами, держишься.

Все размерено и спокойно – как и должно быть в их идеальном для посторонних глаз мире. Он принял все, что считал правильным, допустил к сердцу, постарался прекратить намеренно делать больно своей невесте. И пусть поначалу он все же заставлял себя, контролировал, напоминал о решении, но время так медленно текло, словно не желая расставаться с тем призраком Анны, что неустанно шел по его стопам. Но призрак исчезал. Становился еле заметной дымкой, уступая яркому образу Соры. Близкому и осязаемому. Сора. Живая и любящая. Почему же он раньше так сторонился ее прикосновений? Он наконец-то почувствовал, что такое быть любимым, просто за то, что ты есть и это несказанно подкупало самолюбие. Маленький семейный мирок, созданный благодаря стараниям Соры, окутал его и пленил. Куроки внезапно осознал, что и сам стал добрее. Эта мягкость, исходившая от его невесты, передалась и ему. Интересное, совсем не чуждое чувство.

24.12.2001

С Новым Годом и Рождеством!

Всех благ и счастья.

К. и S.

30.12.2001

С Новым Годом!

Везения и мира.

A.P. of P.

Отрывки поразительно были похожи друг на друга, столько разительно отличались подписи на них. Куроки позволил себе поделиться с невестой самым сокровенным, честно рассказав ей всю историю его отношений с Анной. И тут же отдал должное Соре, что положив руку на его плечо, тихо прошептала «Спасибо, что рассказал». Это уже потом в одиночестве, тихо всхлипывала сама не зная почему. Может быть потому что это свершилось? Страх отошел?

Он же мечтал быть с ней искренним, видя в этом основополагающие кирпичики долговечного брака. Упонский принц был уже научен ярким и горьким опытом леди Дианы и своей матери. Вот только последняя не вырвалась из «клетки», оставшись внутри и тихо продолжив бороться за себя.

Куроки купил эту открытку в одну из последних поездок в Лондон – это был словно последний вдох его прошлой холостяцкой жизни: впереди несколько месяцев подготовки и свадьбы, что затмит все предыдущие торжества. А дальше будет то, что закрыто пеленой тумана будущего. Но он не боялся, лишь изредка, предавая себе сил и уверенности, повторял еле слышно «Все будет хорошо».

Но все же когда в заголовках он видел имя княжны Грепиль – сердце сбивалось с ритма. Это никогда не изменится, нужно просто научиться с этим жить, и со временем он должен перестать так остро реагировать.

Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – нараспев и по – рокрански произнесла Анна, немного ожесточенно подписывая открытку, купленную в Нидерландах. Девушка корила себя за то, что так резко

реагирует на чужое счастье. Нет. Именно на Его. Ей было больно и обидно, но она старалась заставить себя думать, что все эти чувства, чаще всего гнев – это горечь за то, что она не может получить то, что хочет.

Ребенок и Луна. Притча, рассказанная однажды Виктором, и его слова, вместе с обволакивающим голосом вновь и вновь возвращались в ее голову.

«Ребенок плачет, потому что не может получить Луну», – Виктор задумчиво посмотрел на свой перстень на мизинце. Он сидел в кресле напротив княжны, что словно одурманенная гипнозом произнесла самые сокровенные слова:

– Может и мне больно, потому что я не могу получить Куроки?

Виктор, нужно отдать ему должное, лишь пожал плечами. Он догадывался, что она страдает от несчастной любви, но не знал имени этого упряма, что устоял перед натиском этой торпеды.

– Может быть, – мужчина привстал и легонько щелкнул ее по кончику носа. Он так часто проводить у них вечера, что без его присутствия в гостиной после ужина Анна чувствовала себя... Неловко. А еще ей его немного не хватало, потому что она поняла, что же Альберт нашел в нем – Виктор умел быть другом, что почти всегда находился рядом, советником, что искренне сопереживал и мудро оценивал. Вот только он еще не знал, что каждый вечер, сразу после его ухода, Анна писала письма одному и тому же человеку. А утром сжигала их в камине своей комнаты.

И временами ей казалось, что этот мужчина читает ее как открытую книгу. С ним она не чувствовала себя скучной или банально толстой. Он умудрялся смешить ее на светских раутах, обсуждать темы не допустимые для лиц ее круга. Умел заводить ее в дебри своих разговоров, что Анна самостоятельно выбалтывала ему все свои мысли и печали. И Виктор их слушал. Ценное и дорогое умение. Ей начало казаться, что этот умный и красивый, да глупо было бы это отрицать, мужчина становился ей хорошим другом. Ведь с ним так легко и интересно. А еще хотелось его прикосновений и это немного пугало княжну. Эти вспышки чувств были странными. Вдруг это от банального отчаянья?

– Временами мне кажется, что ты живешь у нас, – смеясь, заметила Анна, когда они с Виктором снова остались одни в гостиной. В этот январский вечер Альберт собирал министров с семьями и проводил тихое чаепитие. Очень доброе и домашнее. Анна считала это отличной идеей: ведь можно было легко подобраться к этим мужланам через их близких и в будущем, при необходимости, разыграть свои козыри.

– Жить во дворце, – скривился Виктор и подсел к Анне на диванчик. Где-то в коридоре слуги заканчивали уборку и собирались отправиться отдыхать. Иногда княжна и вправду задумывалась насколько сложна их жизнь и работа – ведь они не могли позволить тебе проспать до десяти утра. – Лучше убей меня. Это же ужасно. Нельзя встать ночью и в одних трусах сходить на кухню, чтобы выпить молока с шоколадкой.

Анна звонко засмеялась, подавшись вперед.

– Так вот что ты делаешь по ночам.

– А чем занимаешься ты?

– Пишу письма Куроки, – внезапно ответила она и испугано захлопнула рот рукой, отвернувшись от мужчины. – Черт.

– Ты помнишь, я могила и клялся на Библии? – осторожно начал Виктор, в уме вспоминая, где же он слышал это имя.

– Это упонский принц, – вздохнула Анна и повернулась обратно к нему. Не слишком ли это был личный разговор? Да, она призналась своей семье и Хезер, но может ли она доверять, кричать о своем разодранном сердце остальным людям? Ведь ей действительно этого хотелось – чтобы все видели ее окровавленное сердце, жалели ее, пытались помочь. Что бы Куроки это

видел. Она не сильная. Слабая и впервые влюбленная. Прошло уже время, а ей все еще хочется кричать и плакать.

– Как я понимаю, любовь? – тихо и понимающе спросил Виктор, на секунду задумавшись над тем, что раз она рассказывает ему об этом, значит, не воспринимает, как потенциальный объект для любви. Как мужчину. Почему его это так всполошилось?

– Первая, – Анна встала и отошла к не зашторенному окну. На улице царствовала ночь, и лишь подсвеченные дорожки у дворца освещали местность.

– Она часто трагична, – начал Виктор и медленно подошел к княжне. – Ты не должна заикливаться на этом. Просто переживи. Пройдет время, и ты вновь влюбишься.

– Я хочу взаимности, – глухо произнесла девушка, стараясь не смотреть в его такие теплые карие глаза. Чертов понимающий взрослый!

– И в чем проблема? – усмехнулся мужчина и положил руки ей на плечи. – Ты довольно привлекательная и не вешишь 160 килограмм. Тебе просто нужно больше уверенности. Не жди первых шагов. Действуй. Ты же все – таки княжна. Да и на дворе не восемнадцатый век.

Анна слабо улыбнулась и, склонив голову в бок, потерлась ухом о его руку. Виктор умел быть убедительным и воодушевляющим. А еще он сказал, что она привлекательная и это заставляло ее щеки краснеть. Куроки никогда не говорил ей такого. Да они вообще не обсуждали внешность, негласно считая, что это ничтожный критерий. А ведь временами ей, как и любой другой девушке, хотелось внимания, комплиментов, что повышали бы самооценку и настроение. От этого трепетало и радовалось сердце.

– Ты слишком много надумываешь себе, – Виктор с улыбкой смотрел на нее. – Да, ты в него влюблена. Но это чувство, а не убийство. Оно пройдет, либо уступит место чувствам к другому человеку.

– И я не буду больше разводить трагедию? – задала риторический вопрос Анна. – Когда я найду того самого человека, с которым захочу связать свою жизнь, должна ли я буду рассказать ему о Куроки? Он ведь принц, известная личность.

– Я думаю, когда придет время, ты сама поймешь. Возможно к этому моменту, ты будешь вспоминать все с улыбкой или вообще недостойным внимания.

– Просто подождать, – медленно проговорила княжна. – А ты бы хотел узнать о первой и любви своей жены?

– Да, – просто ответил Виктор, убирая руки с ее плеч. – И даже временами подшучивал бы над ней.

– Ты будешь отвратительным мужем, – наигранно вздохнула Анна, почувствовав как ее накрывает умиротворенная усталость.

– Я не уверен, что тебя кто-то вообще добровольно возьмет в жены, – не остался в долгу Виктор. Часто ему казалось, что он переходит черту с этой девочкой, которая как-то незаметно быстро выросла у него прямо под носом. Настораживало и пугало. Руже боялся, что заиграется в друга и нарушит правила, хотя те не были оговорены. Она дочка Альберта, его лучшего друга. Будущая правительница родного княжества. Ей не нужен будет муж старше ее на десять лет. Он просто должен прекратить себя накручивать и становиться ближе, уменьшить общение, пока не упал в эту розовую яму страстей. К чему ему в тридцать лет неразделенная влюбленность с девчушкой, что годится ему в младшие сестры? Но иногда он ничего не мог поделать с собой: чуть ли не заморожено рассматривая ее профиль, нахмуренный лоб, радуясь, что она смеется над его шуткой, спорит с ним, чуть дрожа рукой, касается его предплечья, дабы привлечь внимание.

Она была умна, точно осознавала свою цель в жизни, хотела быть любимой, семьей, детей, с хорошей репутацией и прекрасным будущим – по большей части идеальная. Но был возраст и то, что Анна дочь Альберта. О чем он только думает?! Виктор даже не знал, что из этого самый большой стоп – сигнал. Забавно, но он даже не задумывался, о том, что в ее сердце

уже есть юноша и раз она так переживает, то это серьезно, отбросив этого принца, как уже использованный товар.

– Новое платье? – Куроки посмотрел на Сору поверх раскрытой газеты. Сегодня они завтракали с ее родителями, на радость последних. Недавно принц узнал, что они до последнего не верили, что их дочь реально встречается с наследником престола. И ведь в этом был виновен он, напомнила ему совесть.

– Да, – улыбнулась девушка, рассматривая в отражении полированного шкафа свою прическу. Специально к свадьбе она отращивала свои до зависти темные блестящие волосы. – Решила войти в февраль в новой одежде.

Принц усмехнулся: чем меньше оставалось времени до знаменательного события, тем раскрепощение и романтичнее становилась его половинка. Это несказанно радовало, ведь иногда мимолетно она напоминала ему Анну.

– Оно... милое, – соврал Куроки и изобразил довольно правдивую улыбку. – Тебе идет.

– Спасибо, – Сора обняла его за плечи и поцеловала в макушку черных как смоль волос. – Ты помнишь, что сегодня...

– Вечером мы вновь будем подписывать приглашения, – прервал ее юноша и легко потянув за руку, поцеловал в щеку. – Такое точно не забудешь.

Девушка, молча, посмотрела на него, словно ожидая подвоха: маленькая частичка ее души все еще боялась, что он может сорваться, сбежать к той далекой и непостижимой. Пусть в газетах каждую новую неделю описывали ее новый роман, но Сора знала – это ложь. Попытки забыть его или развлечь себя. А еще она часто молилась, что бы тот улыбающийся мужчина, в последнее время часто появляющийся позади княжны, словно телохранитель, удержал Анну от необдуманных поступков. И при всей этой дуратской ситуации Сора искренне желала юной княжне снова влюбиться и может тогда она перестанет так бояться внезапного ее визита. Знала бы она, что тяга к власти этих двух сильнее чувств.

– О чем-то задумалась? – вежливо поинтересовался Куроки у невесты.

– Ничего серьезного, – Сора вновь стала изображать счастливую и радостную девушку. Будущую супругу принца Упонии.

Солнечные лучи последнего февральского дня освещали остекленный зимний сад резиденции Полиньяк, что располагалось у Грепиль – Вилля. Ярко – красные кустовые розы, привезенные из далекого Гилева, начинали пылать своим буйством красок, высокомерно выделялись из общей зелени растений и стоявшей здесь белоснежности мебели стилизованной под готику.

– Признавайся, ты что-то натворила и решила сбежать? – впервые за последнее время на губах Анны играла настоящая улыбка. Она, одетая в легкое серое платье, сидела напротив нахолившейся принцессы Сакуры и потчевала ее чаем, привезенным Сашей из Ирландии. Было где-то еще и пиво, но это уж было слишком.

Упонская гостья, почесав свой коротко стриженный затылок, посмотрела на утонченную, по ее мнению, одетую княжну. Она-то сидела в футболке и дырявых джинсах, пусть и купленных за приличные деньги в дизайнерском магазине.

– Я просто устала от всей этой беготни, – нелепо взмахнула Сакура. – Представляешь, они даже думают надеть на меня парик! Лишь бы я выглядела совершенно нормальной. И почему Куроки и вправду не оказался геем?

– Принцесса! – засмеялась Анна, сделав замечание девушке. – Вам уже восемнадцать, а вы все мелите такую чушь!

– Ты прекрасно меня поняла, – ничуть не обиделась Сакура взяла в руки чашку с черным чаем. – Я просто не могу... Она слишком... Добрая... Пытается сдружиться. Мне даже стыдно за то, что в своих мыслях я подкалываю ее. Чего вы улыбаетесь, княжна?

– Ничего, – Анна же пила чай с молоком. – От тебя я узнаю, что твориться в жизни Куроки.

– Прости, – вдруг понурила голосу Сакура. – Я не подумала.

Она знала княжну уже несколько долгих месяцев, что однажды сама, единственная из императорской семьи, догадалась о чувствах своего брата. Но выбрала молчание, ведь даже за свой малый опыт, она прекрасно понимала, в отличие от Соры, что ни один из этих несчастных влюбленных не откажется от такого манящего трона, ради любви. И пусть со стороны это было эгоистично, но если вдуматься, то Анна сама выбрала этот путь, также заключив «делку» с церковью, что приняла ее в свое лоно: теперь она не могла подвести маленькую страну с шести миллионами населения, или Альберта, что в последнее время сдавал позиции. Куроки же с самого раннего детства готовился к этому: его так воспитали и у него даже в мыслях не было отступить. Так что, наверное, каждый из них эгоистично ждал до бесконечности, когда другой сделает решающий шаг в «пропасть». Именно так считала Сакура, в своих мечтах представляла брата и Анну неким подобием новых «Ромео и Джульетты» – вот только первые уже не были детьми.

– Милая, – княжна не хотела смущать гостью своими проблемами. Чувство гордости и этикет не позволяли ей. – Не бери в голову. Все хорошо.

– Но на свадьбу ты не поедешь?

– Нет, – покачала головой старшая из девушек и откинула назад свои каштановые волосы. – Наверное пока... Это сильнее меня. Но Альберт и мама передадут мой подарок, и может быть мы все вместе встретимся на дне рождения принца Гарри.

Упонская принцесса фыркнула и отвела взгляд, она не верила во все эти слова княжны. Все не может так кончаться! Ей было всего восемнадцать и иногда даже четыре года разницы бывают пропастью в суждениях и поступках.

– Зато я вернулась в шумиху общественной жизни, – попыталась перевести разговор Анна. – Давненько у меня не было столько много новых знакомых.

– Уж лучше бы ты романы писала, – буркнула Сакура, отодвинув от себя пустую чашку.

– И напишу! – воодушевленно воскликнула княжна. – Напишу. Вот влюблюсь и опишу это в книге. Будет бестселлер.

– Но в жизни ты вновь остаешься одна, – упонка почувствовала грусть и жалость.

– Не бойся, – ей так хотелось потрепать принцессу по макушке, словно младшую сестру. – В двадцать четыре я найду себе жениха. Проведу кастинг. В двадцать пять выйду замуж. Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – словно эхо произнесла Сакура. – Куроки постоянно это повторяет.

Глава 9

За последние два года Анна поняла лишь одно точно и ясно – ее новая жизнь совершенно чужда для ее друзей из Белкрании. Между ней и теми, кто остался в прошлом, с каждым новым днем расширялась все больше та глубокая пропасть, через которую никто не в силах был проложить даже самый шаткий мостик. Сказать что княжна тосковала без друзей? Нет. У нее появились новые знакомства, круг которых не ограничивался одним Куроки. Были Сакура, Полина – одноклассница, что переехала во Францию по обмену, Натали, Саша, Кэмерон, ее редактор, также Хезер и череда ее бывших ухажеров. Еще был Виктор, что в последнее время немного отделился. Анна винила в этом очередной роман, в душе обижаясь на него.

– Красивая была церемония, – княгиня Мария уселась в глубокое серое кресло. Прошло уже два месяца, но женщина каждый раз, когда приходили новости из Упони, вспоминала бракосочетание принца. Она была просто поражена великолепием и грандиозностью прошедшего события и порой не замечала, как едва заметно хмуриться их постоянный гость Виктор. Ведь ее дочь даже не подавала признаков заинтересованности: она просто абстрагировалась от происходящего и плыла в лодке по реке Жизни. Казалось расстояние победило влечение. Именно влечение, а не любовь, – констатировала сама себе Анна, пусть иногда и теряясь в дымке мечтаний об альтернативном ходе ее жизни.

– Альберт, мне придется разорить казну, – засмеявшись, произнесла Анна и поставила чашку с чаем на стол, как всегда мимо специальной подставки. Семья полным составом, Виктор с новой подругой, Патрик Пруст с женой и какая-то знатная дама сидели за одним шикарным сервированным столом и мирно беседовали.

Князь Грепиль закашлявшись, рассмеялся – в эту весну он что-то сильно простыл, да и слабые легкие его всегда беспокоили. Семейное.

– Просто перестань скупать книги вагонами, – шуточно указала Мария. Никто в семье не мог обвинить ее в излишнем расточительстве. Страстью юной княжны были кино и книги, в которые она вкладывала душу и деньги. И вот последние обретали свой последний приют на полках общественных библиотек, что курировала Анна, с каждым днем она все больше и больше вливалась в политическую жизнь своего нового государства, преодолевая страх перед той ответственностью, что ждет ее впереди.

– Я одолжу вам, княжна, – подал голос Виктор, а его спутница несдержанно хихикнула, за что получиланисходительный взгляд своей половинки и встрепенувшуюся соседку знатную даму, чье имя так никто и не запомнил. Мужчина уже точно знал, что эта красавица очередная страница в его любовных похождениях и это охладило сердце. Ему было тридцать два и нормальные люди в этом возрасте уже своих детей собираются вести в детский сад. Виктор поймал одобряющий взгляд Анна и легко кивнул головой: иногда ему так хотелось, чтобы она была хотя бы на пять лет старше. И тогда он не мучился бы от странного неприятного чувства, будто он какой-то педофил. В тоже время он не смог бы помогать ей в борьбе с первой влюбленностью, не вспоминая бы так часто свою.

Авелин, соседская девочка на год старше его: он так пылко был влюблен в нее, что врал родителям и друзьям где пропадал вечерами, но спустя какой-то год после переезда в Германию, он даже о ней не вспоминал. Его любовь, прежде казавшаяся вечной и нерушимой, оказалась обычным печным дымом, что гоняет ветер. И может быть Руже искренне и по – человечески надеялся, что и влюбленность княжны в упонского принца окажется такой же легковесной, иначе девочке придется туго.

Альберт помог ему найти себя, подтолкнув в политической карьере и Виктор поначалу хотел просто отблагодарить друга – хотя немного помогая его наследнице. Впрочем, и министр

с советником этим занимались, вот только Виктор единственный знал, что самое большое внимание на нее оказывает Хезер – ее помощница, и поэтому работал с ней в тандеме.

– Княжна, когда вы собираетесь замуж? – добродушно улыбаясь, спросила мадам Пруст, в этом году выдавшая замуж вторую дочь из трех.

– В двадцать пять, – на автомате ответил за нее Виктор и тут же спохватился. – Простите.

– Ничего, – махнул рукой Саша. – Она нас тут всех выдрессировала.

– Но вы ни разу нам не представили своего избранника, – чуть взмахнула руками жена Министра, будучи уверенная, что для нормального брака нужны официальные длительные отношения, вот как у ее дочерей.

– Я думаю через год, – довольно серьезно начала княжна, рассчитывая свою жизнь, подобно бизнес – плану, – в двадцать три. Я постараюсь отобрать несколько кандидатур. После чего выберу одного единственного, с кем обручусь в двадцать четыре, и выйду в двадцать пять.

– А как же любовь? – непонимающе спросила спутница Виктора, что на критичный взгляд Марии, была намного глупее всех его предыдущих пассий. Анну и Сашу она забавляла и умиляла.

– Любовь – это дело наживное, – неожиданно произнес Саша и встал из – за стола. – Прошу прощения, но меня ждут друзья.

Александр все еще дружил с детьми министров, но все чаще проводил время со своими школьными друзьями, ходившими в обычную государственную школу. Впрочем, некоторые из высшего политического сословия тоже туда сплавляли своих детей. Саше было всего шестнадцать и до конца учебы оставалось два года, а потом он собирался уезжать в Роскрану поступать в университет, отказывая себе в привилегиях, что ожидали его во Франции или в Англии. Мальчик не хотел навечно оставаться в этой золотой клетке монархии как его сестра. Он хотел путешествовать, открывать новые горизонты и быть свободным от всех этих дворцовых интриг и правил. Его сестра была другой. По мнению Саши Анна была просто рождена для того чтобы носить спокойные утонченные наряды, кукольно улыбаться и просчитывать свои шаги наперед. Лишь через год он узнает, что марионеткой в этом мире должен был быть он.

20.04.2002

Наследный принц Куроки и наследная принцесса Сора от имени императорского дома Упонии поздравляют ее Святейшество Марию с Днем рождения.

К.

26.04.2002

Надо ли полагать, что прошлое письмо служило некоторым мостиком дружбы?

А.Р.

30.04.2002

Надо бы полагать.

К.

Раз в месяц они с Хезер выбирались вдвоем, без охраны, в город на целый день побродить по магазинам и посетить по записи, что важно, к проверенному парикмахеру и косметологу. Два часа обожания и лстивых комплиментов и она снова выглядит как нормальный человек. Пока они проводили время в салоне, Анна осторожно разглядывала окружающих, что непри-
нужденно общались между собой, сверкая белоснежными зубами, торчащими костями ключиц и идеальными размерами ног. Она не задумывалась над тем, что они, как и она добивались этой красоты, следя за собой ежечасно, и то, что вся эта зависть основана только на ее лени. Ведь

при всех своих расширенных возможностях она могла бы выглядеть так же шикарно. Конечно, некоторые недочеты, по ее личному мнению, могли исправить лишь хирурги.

– Вы тоже красивы, – прошептала ей на ухо наклонившаяся Хезер, заставившая посмотреть ее в зеркало перед собой. – Вы просто должны принять свою внешность и то, что до культового идеала Стефании вы некогда не дотяните. Это же не ваш типаж. Вы красивы, просто не в рамках худощавых аристократов. И вы можете совершить революцию. Принести в моду здоровых людей с формами.

– Спасибо, – Анна слабо улыбнулась, рассматривая себя в зеркале. Умом она понимала, что временами сильно утрирует свой внешний вид. Да, она не была иконой стиля и красоты, но и страшилищем тоже. Временами Анна умела быть эффектной, а вне светских раутов и без помощи профессионалов – княжна была обычной миловидной девушкой.

– Вам просто никто это не говорит, – улыбнулась Хезер, разглядывая княжну в зеркале. – Все полагают, что вы самодостаточны и красота для вас дело десятое.

– Никто не знает, что эта маленькая девочка плачет по ночам в подушку, потому что любит поесть и толстеет, – отшутилась Анна. – Со мной невероятно сложно, да.

– Совсем нет, – усмехнулась Хезер. – Вы не пьете, не наркоманка, я не ловлю вас у ночных клубов, нет kleptomании и беспорядочных половых связей, не транжирите деньги и не режете себе вены. Я счастлива.

– Получается, у меня нет собственной изюминки, – задумалась Анна. – Я прямо пай – девочка для близких. Может быть алкоголизм?

– Сказывается на внешнем виде, так же как и наркотики.

– Беспорядочная...

– Жжение в причинном месте.

– Kleptomания. Нет, это же не весело, – вздохнула Анна. – Как же сложно быть индивидуальностью.

Хезер рассмеявшись, чуть сжала плечо девушки. Ей ведь на самом деле повезло с ней: Анна не капризничала по пустякам, не была излишне избалованной, свято уважала мнение своей наставницы и не относилась к ней как к прислуге. О чем можно еще мечтать? Разве только о том, чтобы ее подопечная обрела личное счастье. И у Хезер на этот счет уже была идея, но раз вопрос пока настолько остро не стоял, она отмалчивалась. Вдруг все само разрешиться?

Вторая неделя мая утомляла своим бесконечным жаром, будто природа решила пошутить над хладолобивым Куроки. Немного скрипя зубами от злости, он прятался от жары во дворце, построенном в начале прошлого века. Словно придирчивый покупатель юноша обходил свои владения, прежде чем дать окончательное согласие Дворцу на переезд.

Даже кипарисы вышитые вручную на занавесках спальни раздражали его в этот день. Полупрозрачные солнечные лучи тускло освещали кабинет принца, что расположился на втором этаже огромного необычного каменного дворца, расположенного к северу от Акиры.

Куроки вырос в нем, оставив здесь свои счастливые детские воспоминания, сейчас словно призраки нагонявшие его вновь и вновь. Но из старой обстановки этой комнаты остались лишь пейзажи, написанные императором в молодости. Яркие, сочные краски со временем не потускнели и остались радовать своей зеленью непривычных пихт и сакур. О чем думал его отец когда рисовал это? Был ли он влюблен? Счастлив? Наверняка радость подарила ему вдохновение. Жаль, что они не так близки как раньше.

Они с Сорой будут здесь жить после того, как он наконец-то полностью примет свою судьбу и перестанет ходить на свою сестру в глазах родителей. Осталось немного: ведь из императорского дворца сюда были уже перевезены все личные вещи и переведены слуги. Он же будет жить здесь, так же как и многие предки до него – с высоко поднятой головой и чинно и всецело предано своей будущей «профессии».

– Ваше высочество наследный принц, – со стуком в кабинет вошел личный камердинер Куроки. – Наследная принцесса Сора прибыла.

– Хорошо, – машинально кивнул юноша и отпустил слугу.

Значит Сора решила не оставлять его наедине с прошлым. Умный ход. И, конечно же, он не догадывался, что во все минуты их единения бедная девушка ожидала услышать от своего драгоценного мужа, произнесенное на выдохе имя другой. Она любила, ревновала и боялась. Была самым обычным и нормальным человеком, что хотел счастья. И вот ее муж пока что ни разу ее не подводил. Не оговаривался, не вспоминал, не искал встреч – словно стер из своей памяти княжну, оставив лишь ее призрак в ее ревнующем беспокойном разуме. А он просто убедил себя, что расстояние победило его любовь. И вправду: если долго не видеть человека, то начинаешь забывать некогда столь любимое лицо. Цвет глаз, улыбку, голос. Пытаешься сфокусироваться, но получаешь расплывчатый портрет в дымке и перестаешь стараться, считая это бессмысленным.

Юноша усмехнулся, вспомнив, как прочел, похожие строки в печатной версии рассказа Анны. Как она, нахмутив брови, пообещала в жизни не обставлять его наедине со своими рукописями. Но он-то знал, что вечерами, где бы она не была, она садилась за стол и писала в ежедневник свои новые произведения. И Куроки искренне надеялся, что она не бросит это занятие, иначе у нее останется еще меньше ниточек, что будут связывать ее с прошлым.

Он тосковал по ней и с привычной грустью вспоминал, как они планировали свои встречи, как ходили на совершенно бесполезные выставки и приемы лишь ради того, что бы увидев друг друга в другом конце зала улыбнуться и украдкой соприкоснуться руками. Или же встретиться в одной из местных дешевых забегаловок и разговоривать часами о какой-то чепухе. Они планировали и у них было время. Время – одна из самых главных ценностей в этом мире.

Сора, стуча каблуками по старому паркету, зашла в кабинет и, улыбнувшись, села на резной стул у письменного стола из такого же темного дуба. Она вновь подстригла свои волосы под каре и напоминала своему мужу сказочное создание, сошедшее с иллюстраций книг. Куроки непроизвольно вспомнил последнее фото Анны в газетах: она на несколько тонов осветлила волосы, сделала челку, но в остальном все тот же призрачный образ с распущенными волосами по лопатки, уложенные заботливыми парикмахерами. Забавно, он помнит ее волосы и совсем не может припомнить о родинке на шее. Память – странная избирательная штука.

Сегодня вечером он напишет ей: расскажет об успехах Сакуры, опишет новый старый дом, передаст мнимый привет от Соры, о своих планах на выходные и что думает о внешней политике своего соседа. И будет уверен, что в размашистых строках не будет глупой горечи.

– Мы поедem в Люксембург? – спросила Сора, как всегда вглядываясь в почти непроницаемое лицо мужа. Может со временем она научиться «читать» его лучше? Сейчас же оставалось гадать, что ж у него на уме в этот раз.

– А ты хочешь? – вежливо осведомился Куроки, присев напротив и чуть подавшись вперед.

– Было бы неплохо, – пожала плечами девушка, что до сих пор неосознанно стремилась встретиться лицом к лицу с главной проблемой ее семейного благополучия и спокойствия. Она ждала увидеть ее на свадьбе – в день своего триумфа, посмотреть свысока и снисходительно улыбнуться как учитель на ученицу. Может быть самодовольно и пафосно, но ей так этого хотелось. Это принесло бы ей... Успокоения.

– тогда поедem, – улыбнулся Куроки и заключил ее руки в свои, вновь отмечая, что подхватил этот прием из фильмов.

Каждое лето они с Сашей ездили в лагерь отдыхать, теперь же они ездили работать на благо общества и имиджа семьи. Саша целый месяц был помощником водителя, а Анна каж-

дый месяц на неделю прибывала, дабы пообщаться с юными жителями Грeпиль в неформальной обстановке. Для нее уже было необычно на людях показываться в футболке и в шортах или штанах, да еще и с собранными волосами в хвостик. А вот маркетологи видели в этом золотую жилу – каждый раз за неделю до отъезда в лагерь, присылали во дворец новые партии своих футболок. Ведь счастливчик получал бесплатную рекламу во всех газетах Грeпиль, и при особой удаче, в иностранных изданиях. Хотя с прошлого лета хитом бы все еще являлась футболка, в которой княжна свалилась за борт, участвуя в гонках на байдарках. Этим летом, к огорчению всех журналистов, она решила не участвовать в соревновании, передав эстафету подростку Саше. А тот и не жаловался, будучи избавленным тем самым от присмотра за самыми младшими.

Приехавшая строго по расписанию, сестра выдернула его с тренировки и предложила пройтись, одновременно очищая пляж.

– Ты какая-то хмурая, – подал голос брат.

– Альберт приболел, – отозвалась Анна. – Виктор говорит, что я себя накручиваю. А Хезер, что просто боюсь ответственности.

– И на самом деле? – в кои-то веки волосы Саши были коротко подстрижены, но сила привычки все равно поднимала руку вверх.

– На самом деле я просто понимаю, что не готова. Ты представляешь, я должна вникать в каждую бумажку, что приносят мне на подпись. Планировать на будущее, просчитывать ходы, управлять деньгами, армией. Одно неверное решение и мы – банкроты.

– Ты слишком утрируешь, – вздохнул ее брат, потирая напеченную солнцем шею. Иногда это его убивало, как – никак большую часть жизни он жил в другом климате. – Посмотри на Альберта. Вокруг него столько советников, министров. Какие-то странные люди, как Виктор. Они все рассчитывают и продумывают. Твоя обязанность выбрать один из вариантов.

– И ответственность буду нести я, а не министр экономики, – возразила ему сестра. – Не так я представляла свою жизнь в твоем возрасте.

– А о чем ты мечтаешь сейчас? – спросил Саша, оглядываясь по сторонам. Вон хорошенькая девочка строит ему глазки, и еще одна, еще. Чего еще от жизни можно мечтать желать? Да, он понимал, что 90 % внимания из – за его статуса и это все – таки льстило. Интересно, если бы он был жирным под 150 кг, они так же бы искали с ним общения?

– О спокойной жизни, чтобы возвращаться домой и знать, что тебя в аэропорте ждет любимый муж, дома спят трое детей. Всегда теплый июльский вечер, – с улыбкой закончила Анна. – Видишь, как все банально. Раньше я хотела денег и не экономить, есть мороженное каждый день.

– И теперь ты это получила.

– Да, галочка стоит, – она у мечтательной улыбкой смотрела вдаль. – Сменились цели и приоритеты.

– Возраст сказался? – шутливо спросил Саша.

– Возможно, – Анна также посмотрела в сторону щебечущих девчат. – А о чем мечтаешь ты?

– Для начала о поездке в Диснейленд, – отмахнулся ее брат, начиная осознавать, что так таковых планов на будущее и не имеет. Он точно знал, что поступит в университет, правда не знает на какую специальность, у него будет работа и жилье, потом он женится, будет заниматься общественной деятельностью, путешествовать. Все так размыто и неопределенно. Ему бы для начала решить насчет специализации. К чем душа лежит и начать готовиться. Ведь он банально не может оплошать и огорчить семью.

– А если серьезно?

– Я хочу, чтобы у меня был выбор. Не хочу быть политиком или военным. Хотя я знаю, что как и любой гражданин Грeпиль я должен, но...

– Это все возможно, – Анна обняла брата за плечи и прижала к себе. – Главное чтобы ты возразил, когда придет время. Я поддержу тебя. Всегда буду на твоей стороне.

– Даже если я пойду против тебя? – хотелось спросить Саше, но он лишь развернулся, чтобы обнять сестру в ответ, немного покачивая из стороны в сторону, как это делал при объятиях Альберт.

Она впервые была на столь масштабном приеме проходившим за пределами ее родины. Повсюду сновали официанты, медленно и грациозно прохаживались нарядные высокопоставленные люди и их приближенные.

– Знаете, – с легким сарказмом начала Сакура, в кои-то веки одевшаяся для высшего общества. – Мне это напоминает кадр из «Титаника».

Сора неодобрительно посмотрела на нее, а Куроки наоборот, не выдержав, приснул. Признаться, он временами обожал этот дурманящий бунтарский характер сестры со всеми вытекающими последствиями.

– Прошу прощения, – принцесса избавилась от захвата брата. – Я вижу Сашу Полиньяк и мне срочно нужно признаться ему в своих чувствах.

Сора недоуменно посмотрела на мужа, явно рассчитывающая, что он тот прекратит весь этот фарс, но тот лишь покачал головой и предложил пройтись. Его же сестра, словно ураган, удрав от невестки и брата, в сторону мирно разговаривающего Александра, настигла его врасплох. Рядом с ним стоял сын какого-то министра и школьная подруга юного Полиньяк, выигравшая недавно какой-то значимый творческий конкурс. Сакура этим не особо интересовалась. А Саша, нужно отдать ему должное, ни на минуту не оставлял смущенную девочку, знакомя ее с нужными людьми.

– А вот и я, – произнесла на коверканном французском Сакура и чуть отдышалась. Корсеты явно не для нее.

– Лиз, познакомься, это принцесса Сакура из Упони, – Саша галантно представил своей подопечной, подошедшую девушку, на чистом французском. – Сакура, это Лиз Элберфорд. Победительница творческого конкурса по фортепиано. Гордость Грeпиль.

– Приятно познакомиться, – не очень культурно кивнула принцесса, а затем перешла на английский, – Где ваша сестра?

– А вам зачем? – в том же тоне, но уже удивленно переспросил юноша, все же оглядевшись в поиске таковой.

– Я здесь с Куроки и Сорой, – пояснила Сакура, понизив тон. – Думаешь, хорошая идея свести их вместе в одном зале?

– Ничего страшного не вижу, – Саша улыбнулся непонимающей Лиз. – Моя сестра сейчас с Виктором и Натали разговаривают с каким-то продюсером из Голливуда.

Юноша кивнул в противоположную сторону от четы упонских наследников трона.

– Думаешь, они ничего друг другу не сделают? – Сакура чуть придвинулась к Саше и серьезно посмотрела на Анну и ее знакомую.

– Единственное, что моя сестра может совершить, это на людях поцеловать Натали. Или Виктора. И первый вариант мне кажется намного интереснее.

– Ты так уверен в ней?

– Я с ней живу. Сестричка прекрасная актриса и на людях она весела и счастлива, ведь никто никогда не увидит, как она в печали плачет ночью в подушку, – он чуть скривил лицо, словно что-то почувствовал. – Прости, но нам с Лиз нужно еще много успеть.

Он оставил ее совершенно беззащитно стоявшую и смотревшую, как Анна не дрогнув ни одним мускулом лица, счастливо улыбалась Соре делая перед ней легкий ненужный реверанс. Правда в этот момент она почти сжимала руку мужчины по имени Виктор. Принцесса

присмотрелась к нему: он был выше ее брата, старше и будто бы у него было больше власти. Да, именно власти, его спокойствие показывало именно это.

31.10.2002

Поздравляю тебя с Днем Рождения.

Смотри: тебе уже двадцать три и ты взрослый человек. (формально)

Прошу: будь счастлива и дари свою улыбку лишь тем, кто ее достоин.

Продолжай быть моим солнцем.

К.

6.11.2002

Я желаю тебе основательно ступить на дорогу долгой и счастливой жизни. Ты уже прошел четверть века и теперь просто обязан задуматься о будущем.

Продолжай растить свой лес, ограждающий твое счастье и семью.

А.Р.

Им обоим хотелось написать намного больше, но разум останавливал, не давая начать полное разрушение. Анна хотела написать ему, что впервые серьезно задумалась о браке, наконец-то заметив как трогательно Альберт придерживает за руку ее мать. Как министр Пруст слегка смущенно целует в щеку свою жену. Ей хотелось так же, и она была намерена это получить.

Куроки же хотел рассказать ей о своих страхах, связанных с ненавязчивыми намеками старшего поколения о внуках. Он видел, как Сора немного теряется, когда его мать начинает говорить на эту довольно щекотливую тему и тогда Куроки, чувствуя какую-то злобу, непроизвольно начинал защищать свою жену перед остальным народом во дворце.

Никто ничего не писал, боясь вновь выйти за рамки и разворошить едва потухшие угли.

25.12.2002

С Рождеством и Новым Годом!

К. & S.

25.12.2002

С Рождеством!

ее высочество Сакура.

Стоя посреди этой наряженной веселой толпы, так искреннее радующейся подготовке к Новому году он впервые задумался о детях. Своих. Глядя на родителей, воркующих со своими детьми, слыша их смех и звонкие голоса, он ощутил легкий укол страха. А вдруг он не сможет стать хорошим добрым и любящим отцом? Вдруг будет таким же холодным и отстраненным, как его собственный?

– О чем ты задумался? – к нему подошла как всегда великолепная и прекрасная Сора и поцеловала в щеку. Они вместе с остальными членами семьи участвовали в благотворительном вечере при спортивной школе для особо одаренных детей.

– О детях, – чуть пожав плечами, ответила Куроки.

– Да, они невероятные. Ты видел ту девочку с лентой? – Сора восхищенно осматривалась вокруг.

– Я имел в виду наших, – пояснил принц и внимательно посмотрел на лицо жены, по которому пробежалась волна удивления вприпрыжку со смущением. До этого момента они еще ни разу не заговаривала о будущих детях без «помощи» посторонних. Готовы ли они к ним?

Хочет ли их Сора? Анна хотела, он это четко знал и видел, как она почти голодным взглядом провожает малышей. Забавно, он знал желания другой женщины, а не своей жены.

– Я думаю, стоит еще немного подождать, – с теплой улыбкой произнесла Сора и взяла его за руку. – Мы еще не до конца узнали друг друга, так мало времени прошло после свадьбы. И ты же хотел еще немного попутешествовать.

Он поцеловал ее в макушку, в которой раз осознавая насколько она, дорожит им, любит, ставит его интересы, превыше своих. Как ему необычайно повезло. Еще бы перестать быть ничтожеством и сравнивать и гадать какая бы была жизнь у него с Анной. Захотела бы она подождать, пока он созреет для отцовства? Стояла бы рядом, посреди этой беснующейся толпы, спокойно и мило улыбаясь? Смогла бы вновь сменить свою «окраску»? Все ради него. А смог бы он? Куроки непроизвольно усмехнулся: во всех своих планах он оставался верным трону. Нечестно и эгоистично. Он же не должен так себя вести.

– Мы должны идти дальше, – Сора аккуратно вернула его на грешную землю и потянула за руку в сторону огромной зеленой ели, что искрилась разноцветными фонариками. Вокруг веселились дети: смеялись, болтали и ели мороженное, совершенно не предполагая, что детство это самая лучшая часть жизни человека. В ней нет рамок морали, любовного выбора, планирования и печали будущего. Детство – это восход человека, когда все невинно и чисто, не омрачено душевными переживаниями и ворохом ошибок прошлого.

31.12.2002

Я поздравляю Вас с Новым Годом и желаю счастья и добра!

А.Р.

31.12.2002

С Новым Годом!

ее святейшество княжна Грещиль Анна

его святейшество Грещиль Александр Полиньяк

Глава 10

В здании парламента, находящегося в самом центре столицы, специально отводили кабинет для князя, каждый год, перемещая его по этажам. Анна шутила, что таким образом они пытаются сделать ремонт во всем здании, что было старше дворца.

– Не сочтут ли это ущемлением прав? Демократии? – наследница сидела напротив Альберта, что расположился за своим рабочим письменным столом, заваленным горой бумаг. Каждую среду они вместе приезжали в здание парламента и работали, часто до поздней ночи, на благо Греспубли.

– Какая демократия? У нас конституционная монархия, – возмутился Альберт. – И если бы не мой отец, то была бы старая добрая абсолютная монархия. И ни с кем из этих клоунов, мне бы не пришлось договариваться.

– Казнить. Значит, казнить? – с усмешкой перебила его княжна, внимательно наблюдая за тем, как Альберт принимает прописанные ему врачом лекарства. Под Новый Год, что они праздновали в тесном семейном кругу, у него в очередной раз сильно подскочило давление и Мария не выдержав, самостоятельно вызвала врача. Шумиха была еще: все были крайне удивлены, что княгиня умеет повышать голос, тем более на мужа.

– Ты слишком категорична, – устало вздохнул мужчина, он хотел жить во времена Наполеона, Елизаветы, когда никто не перечил монархам, и слепо следовали прочерченному пути.

– Я? – изумилась княжна и чуть наклонилась к столу. – И это говорит человек, что собирается начать новый Крестовый поход?

– Это не Крестовый поход, – отмахнулся Альберт. – Мы просто перестанем давать виды на жительство приезжим из мусульманских стран, сократим выдачу туристических.

– Проведем рейды по зачистке от нелегалов, – вальяжно добавила девушка.

– И идея довольно неплохая, – чуть повысив голос, произнес князь. – Наше княжество испокон веков было католическим. Мы даже чуждых протестантов прогнали в свое время, а тут эта чума, что не собирается приспособливаться к нашим основам и правилам жизни.

– Но ведь и ты не женился на католичке, – мягко напомнила ему Анна.

– Но и не на мусульманке. Православие и католичество ветви одного дерева. А мусульманство совершенно другой сад, – Альберт откинулся в кресло. – Наше население слишком мало, для увеличения процента иноверцев. Мы выращены консерваторами благодаря моему отцу, деду, прадеду, Господу нашему. И я не дам загубить эту...

– Чистоту крови? – перебила его наследница. – Временами ты говоришь, как Адольф.

– Временами ты говоришь, будто испытываешь симпатию к ним. Ты же борешься за равенство женщин. Назови хотя бы одну мусульманку, что сумела бы добиться высот? Хотя бы актрису, писателя, политика?

– Я не защищаю их, – возмутилась девушка, словно от оскорбления. – Просто, я боюсь...

– Чего? – непонимающе спросил мужчина.

– того что тебе снова начнут припоминать мезальянс. То что твоя наследница не рождена католичкой.

Альберт посмотрел на нее с мягкой улыбкой родителя, а ведь вправду, он и позабыл, сколько грязи вылилось на них в свое время.

– Не будут, – он наклонился вперед и протянул ей руку. – Сейчас самое время таких законов. Никто и слова не скажет.

– Аль – Каида от всего сердца помогает тебе в исполнении твоих планов, – она все же тоже протянулась и взяла его за руку.

– Можно сказать и так, – пожал плечами Альберт. – Может цветы им отослать?

Анна покачала головой. В душе она понимала стремления Альберта огородить свою родину от чужеземцев. Сколько раз их захватывали в прошлом, продавали, отдавали в аренду. В прибывающих в Европу мусульманах он видел новых захватчиков. Тихих и медленных. Да, его можно было смело назвать расистом, и он бы с этим с легкостью согласился, в тайне мечтая жить где-нибудь в белоснежных странах Скандинавии. Альберт не хотел новшеств и прогиба перед новыми жителями и Анна это прекрасно осознавала. Она видела, как группы людей, не желающих ассимилироваться, заставляют государства меняться под себя. Она, как и Альберт, не собиралась в будущем давать послабления. Но до сих пор в ней, все еще жил страх, что жители взбунтуются именно против нее, как бы она не старалась выдаться себя на настоящую жительницу Грениль.

Первый месяц нового 2003 года пролетел словно стрела, что точно вонзалась в намеченную цель. Но ничего не изменилось: жизнь продолжала свое шествие по замкнутому кругу, что с каждым годом становился лишь шире. В жизни появлялись новые люди, уходили прочь старые обиды. Все было, как и должно было быть – с грустными и счастливыми днями, все реже напоминавшими о прошлом.

Февральский ветер играл с легкими зелеными занавесками, ограждавшими эту спальню от остального мира. Уже горела люстра и по старой – доброй традиции потрескивал камин, хоть в его тепле никто совершенно не нуждался. На бумаге, лежавшей на столе из темного дуба с резными ножками, рождались новые строчки, словно видения оживали в голове автора и послушно открывались миру.

Лживые рассказы о чистой и искренней любви были соседями с точными описаниями расчленения трупа в очередном повествовании о тяжелой судьбе маньяка. И описывать последнее ей нравилось куда больше, ибо ее психопаты были оригинальными и неповторимыми, совершающие такие поступки о которых она даже боялась подумать в реальной жизни. Они были искренними, живыми и с душой, с романтическими персонажами ей так не везло.

Позже почти все свои рукописные творения она переносила в компьютер, что бы после, когда созреет и еще раз все исправит, отправит в какое-нибудь издательство под очередным псевдонимом, получит отказ. Но это была ее отдушина.

Нет, Анна не умирала от грусти: у нее было творчество, были уроки управления княжеством, проходившие все с тем же первородным трепетом и страхом ответственности; новые и старые знакомые, семья и очередная подходящая к концу влюбленность, которая не знала что была объектом ее. Ну, как еще, если ты актер, живущих на другом конце мира, и ни разу не встречавшийся с ней вживую? Но не было Куроки и его магнетизма, и от этого, в моменты, когда княжна оставалась одна, словно льдинки всплывали воспоминания с глубин океана. Но кто бы, что не говорил потом: она жила полной жизнью, правда без той странной, почти сказочной страсти к принцу Куроки. Хороший был бы сюжет для ее книги, если бы она осмелилась об этом написать.

– Жаль Память все хранила в своем ларце, – произнесла вслух княжна последние строки своего нового романа о раскаивающемся так яростно и подкупно серийном убийце. А ведь вначале она хотела сделать его невинной жертвой жестокого и корыстного правосудия. Но часы за столом складывались в дни и всего за два месяца она сумела из обычного человека, живущего среди нас, создать жестокого и изощренного убийцу, чья история по ее мнению, сумела бы завлечь читателя в свой мир. Ах, если бы ей чуть больше везло с ответами из издательств.

В комнату без стука заглянул Саша и, увидев, что его сестра ничего не пишет, вошел, прикрыв за собой дверь. Он прошелся по длинношерстному ковру, лежавшему на отполированном паркете и уселся в кресло, стоявшее у окна.

– Что-то случилось? – девушка так и не отводила взгляда с только что законченной рукописи. Она гадала, за сколько она сможет перепечатать и насколько видоизменит текст. Сколько времени на это уйдет.

– Ничего, – пожал плечами Александр и стряхнул с лацкана пиджака несуществующую пылинку. – Пруст обеспокоен.

– Тем, что Альберт снова показывался врачу? – Анна посмотрела на брата, чуть склонив голову вбок. Конечно, самочувствие отчима ее беспокоило, но она, как и Альберт, были упрямо уверены, что все это пустяки и они вечны. – Главное, что мама заставила его обратиться к хорошему специалисту, а не просто сгоняла прислугу в аптеку за «димедролом». Ты же знаешь, какой он упрямый.

– Ты такая же. Но слишком часто все это, – Саше скоро должно было исполниться семнадцать и через год он уже планировал расправить крылья, вдохнув свободу. Но эта нервная неизвестность с Альбертом его пугала больше чем неизведанная Злата – столица Роскраны. Он полюбил этого мужчину всем сердцем лишь из – за того, что тот сделал счастливым его мать. Дал им проснуться в сказке и ничего не требовал взамен. За такой короткий срок – Альберт заменил ему отца, каким-то образом даже стерев воспоминания о том далеком человеке, из Гилева.

– Не волнуйся, – Анна постаралась улыбнуться как можно увереннее. – Все будет хорошо. По крайней мере, мы живем уже не в Средневековье.

Они, молча посмотрели друг на друга, в какой-то миг, подумав, что безбожно отделились. У них не было больше общих тем для разговоров и в обычные дни они мало пересекались. Наверное, всему виной большая площадь дома – в Гилеве в их трехкомнатной квартире потеряться было сложно. Конечно, был возраст и пол, и то, что они оба постоянно заняты, но что-то неправильно во всем этом было.

– Как я поняла вы подружились с Сакурой? – девушка решила прервать затянувшуюся тишину.

– Есть немного, – непривычно по – роскрански ответил Саша. – Она забавная и открытая, не то, что мы. И как ее выдерживают император с женой? Ведь она настолько радикально мыслит и все это говорит вслух, кошмар.

– Наверное, поэтому ее и сослали в Англию, – усмехнулась княжна и, подойдя к брату, взъерошила светлые волосы у него на макушке. – Можем и тебя туда отправить. Деньги есть.

– Нет, – протянул тот, резко вставая с места. – Эти деньги мы бережем на подкуп твоему суженому.

– Ах, ты гаденыш! – воскликнула на весь свой кабинет Анна и кинула в брата маленькой подушечкой, до этого лежавшей мирно на подоконнике.

– Прошу прощения, ваше Святейшество, – они и не заметили, как в кабинет вошла Хезер с неодобрительным взглядом, ей никогда не нравилось это безрассудное поведение младшего отпрыска князя. И куда только смотрит его гувернер. – Месье Руже наносит визит.

– Спасибо, – кивнула княжна, отпуская ее, затем поправив прическу, повернулась к Саше. – Месье Руже... Визит...

Она довольно неплохо спародировала немного помпезный тон своей помощницы. Юноша прыснул в кулак, а затем начал приводить себя в порядок – за три с половиной года в высшем обществе, они привыкли всегда и везде хорошо выглядеть и стараться соблюдать правила этикета.

– Мне кажется, в глубине души ты ему нравишься, – прошептал ей на ухо Саша, когда они уже подошли к двери гостиной, где их должен был дожидаться Виктор, наверняка уже в компании своего любимого друга Альберта.

– Может – может, – усмехнулась княжна. – А ведь на данный момент он единственный мужчина в моем окружении.

- Стоп! А как же я? – возмутился Александр и легко толкнул сестру в плечо.
- Инцест? – скривилась та. – Уж прости, но я пас. Лучше за Виктора замуж.
- Мне приятно об этом узнать, – двое наследников князя Альберта услышали насмешливый голос Руже, что открыл им дверь, впуская.
- Черт, – простонала Анна, начиная краснеть.
- И вот одной тайной меньше, – по – роскрански произнес Саша, пожимая гостью руку.

1.03.2003

Судя по всему, Сакура произвела неизгладимое впечатление на ваших родителей, появившись со мной, а еще в одинаковой одежде, на Неделе Моды, в то время как должна была сидеть в библиотеке Кембриджа за книгами по праву и психологии. Но не бойся. По психологии я ее понатакала, ведь сама сейчас ее изучаю в университете Грениль. Только тсссс Я там как слушатель. То есть диплома мне не светит.

Мы выкупили соседние территории (да ты уже знаешь об этом) и полностью утвердили свой план по насыпям в океан, дабы еще больше увеличить пляжную территорию княжества.

До сих пор не верю, что стала его законной наследницей. Представляешь: пройдет время и я буду управлять территорией, что всего вполовину меньше моей родной страны! Но я люблю. Люблю уже каждое дерево, камень и жителя, хочу им добра.

Наверное, на данный момент это все что я хочу тебе написать.

Все будет хорошо.

А.Р.

16.03.2003

Поздравляю тебя с рождением семимиллионного гражданина Грениль! (в дополнении идет открытка от Соры, которую она сама нарисовала, и я буду признателен, если ты не выбросишь ее в огонь)

На Сакуре платье сидело лучше, признай это. Хотя вся моя семья считает иначе, чуть ли не собираясь писать тебе коллективное извинение от всей семьи. Позор-то какой!

Поздравляю с новым газетным расставанием. Знаешь, я их совсем не понимаю: в Грениль столько мужчин, а тебе приписывают постоянно американцев. И пусть это ужасно звучит, но я болел за того светло – рыжего британца с отвратительной фамилией.

Все будет хорошо и я в это верю. В этом году мне стукнет двадцать семь и может с этой датой ко мне придет мудрость предков. А так...

Пока что самый адекватный человек в нашей паре, да и семье, Сора, которая... Которой все же нужна моя поддержка в этой сумасшедшей семье. И я так рад, что могу говорить тебе об этом открыто. Спасибо тебе.

Будь счастлива и свободна, словно ветер над равниной.

К.

– С тобой все хорошо? – Куроки зашел в личную гостиную жены и внимательно посмотрел на нее. Она только что вернулась со встречи со своей властной свекровью и теперь пыталась придти в себя после этого неравного боя, в котором она с самого начала была проигравшей.

– Все хорошо, – неожиданно жизнерадостно отозвалась девушка, подняв на него глаза. – Ваша мама была слишком обеспокоена поведением Сакуры, но затем из Грениль пришло письмо, где княгиня Мария и княжна Анна сердечно благодарили Сакуру за помощь в каком-то странном и несурзном деле.

Куроки усмехнулся и присел на ручку кресла, на котором расположилась его супруга.

– Но я-то знаю, что Сакура с тот день болталась в одном из клубов Ирландии, – девушка тихо засмеялась, прикрыв рукой рот, стесняясь этого порыва чувств. Она, конечно, не одобряла подобного поведения золовки, но все же со щекочущим душу восторгом следила за ней и завидовала.

– Иногда я завидую Анне, – задумчиво произнес Куроки, медленно перебирая темные пряди волос на голове жены. – Александр сама воспитанность.

– Для наследника это хорошо, – не согласившись, пожала плечами Сора, радуясь проявлению ласки со стороны мужа. – Но, для второго ребенка совершенно не подходит. Второй ребенок должен оттенять первого, быть с недостатками, пороками, дабы люди любили именно наследника и благодарили бога, что он, а не младших взойдет на престол.

– И этому тебя явно не учили в университете, – немного ошарашено сказал принц.

– Но я знаю, что глупая, да лучше быть глупой, нежели тупой, – бормотала себе под нос Сакура, заканчивая длиннющее письмо. Всего два клика компьютерной мышью, и через десять минут в далекой Упони, можно будет закачивать в императрицу пачками успокоительное. А ведь лучше было написать простое письмо от руки, с простецкими и забавными ошибками – на это было бы честнее и искреннее. Иногда Сакура жалела, что ее семья взяла свой исток в императорском роду: она наблюдала за обычными жителями своей страны и завидовала их свободе, эмоциональной и физической. Да, конечно понимала, что не все так просто у обычных людей или то, что ее брату еще хуже в этой невидимой клетке, и она бы так не смогла. Истерично билась бы о правила, резала себя о прутья, словно самоубийца и не сдалась бы легко своим родителям.

Куроки же видно с детства привык к тому, что всю свою жизнь проведет при дворце, она же росла сорняком. Ее брат лишь однажды взбунтовался и тот раз, никто кроме сестры, не заметил. Ведь чувства – это не всегда слезы, их можно и скрыть.

Сакуре было девятнадцать, и она являлась поистине невообразимой личностью, для своего окружения, способная на минуту из состояния многомесячной депрессии перейти в полную эйфорию и безграничное счастье. Это ее спасало от тяжелых старых стен дома. «Жаль меня психиатрам не показывали», – обычно говорила принцесса – бунтарка. У нее была куча друзей из совершенно разных стран и к каждому из них она чувствовала нежность и привязанность. Ее сердца хватало на всех, но оно никого не оставляло надолго или насовсем.

Сакура лишь ступила на холодную плитку кухонного пола, как ее домашний телефон начал разрываться от истошного звона.

– Алло, – хриплым голосом, предчувствуя беду, ответила девушка, присев на столик для аппарата.

– Мама только что прочла письмо, – сообщил ей брат. Она явно представила, как он, скрывшись в другой комнате, ехидно улыбается, прикрывая трубку рукой. Может быть если Сора была рядом с ним, он был бы ... вежливее?

– И? – более осторожно спросила принцесса, мысленно и морально приготовившись к гневу отца и матери.

– Лучше бы ты не комментировала ту щекотливую ситуацию, – задумчиво ответил ей Куроки.

– Я всего лишь пояснила произошедшее, – Сакура говорила правду, защищаясь. Да, она глупила. Да. Она, поддавшись какому-то безумному, порывы публично поцеловалась в губы с какой-то совершенно проходной моделью, чье имя стало ей известно уже из заголовков газет. Это был кураж, воздух свободы, неверие в свое счастье.

– Даже не знаю, – пробормотал Куроки. – Не думаю, что твое пятничное появление на благотворительной акции успокоит все это. Сора предложила тебе выступить с каким-нибудь научным докладом в университете в одном из твоих кружков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.